

Олег Николаевич Верещагин

Тамбовские волки. Сборник рассказов

Аннотация

Действие этого — третьего — сборника рассказов, посвящённого возможной будущей войне на территории России, происходит на моей родной Тамбовщине.

Верещагин Олег Николаевич

Тамбовские волки. Сборник рассказов

Каникулы в сельской местности.

Четвёртую винтовку принёс Генок.

Вообще-то мы думали, что он сбежал, потому что позавчера ушёл на рыбалку и пропал, а самодельковая удочка осталась на берегу. И сильно удивились, когда он, ни слова не говоря, возник на пороге, молча прошёл к очагу и сел, положив рядом короткую винтовку и ремни с какими-то сумками. Потом сказал:

— Тут консервы. Немного, но есть.

— Откуда оружие? — хмуро спросил Санька, держа между колен свою М16, с которой не расставался. — Ты где был?

— Он хочет, чтоб нас попалили, — зло сказал Дрын. Три недели назад он наверняка полез бы в драку и точно избил бы Генка. Но это было три недели назад. За эти три недели всё-всё изменилось. Поэтому Дрын остался неподвижен и больше ничего не сказал, только сплюнул в огонь, а Генок просто не обратил на него внимания...

...Мы живём тут уже три недели. Вернее, двадцать три дня. Мы — это старшие: Санька, Генок, Тёмыч, я и Дрын; девчонки, тоже старшие — Светик и Ленок. Ну и мелкие — Илья и одиннадцать наших, шесть девчонок, пять мальчишек. У меня есть календарик, и я очень аккуратно вычеркиваю дни. А иногда просто смотрю на календарик — на ту сторону, где фотка нашего бывшего президента на фоне Кремля и красная надпись:

ЕДИНАЯ РОССИЯ — СИЛЬНАЯ РОССИЯ!

А началось всё — и кончилось — двадцать семь дней назад.

* * *

Может быть, раньше. Просто тогда я этого не понимал. Я все свои тринадцать лет живу в детдоме, сколько себя помню, и другой жизни просто не знал, даже представить себе не мог, даже по кино. Не верилось, что правда бывает так, как там показывают... Нет, лет до десяти я тоже бегал к забору "встречать маму". А потом...

У нас самый обычный детдом. Таких десятки. На окраине Тамбова. Старое здание, его вечно ремонтируют по частям. Большинство работников — придурки и воры, но совсем уж отмороженных — нет. Нет извращенцев. Два или три — действительно хотят и любят работать с детьми. Но для меня хороший взрослый — это тот, который как можно меньше ко мне лезет. Что в морду, что с любовью, всё равно какой.

Воспитанники — мы, то есть — тоже обычные. Тех, кто любит без дела махать кулаками и тиранить младших за просто так — мало. Пять или шесть таких, как Дрын, и они не скооперировались. Большинство просто никому не нужные девчонки и мальчишки. Нариков нету, но почти все курят, а многие выпивают, если есть что.

Учить нас почти ничему не учат — зачем? В первом-третьем классе полно неграмотных, да и дальше много. Ясно же, что мы балласт, отработанный материал. Кормёжка, сколько себя помню, была так себе — не очень плохая, не очень хорошая, очень однообразная, но регулярная. Может, поэтому, да ещё потому, что не было у нас таких уж зверств со стороны персонала и старшаков, никого не держали голым в подвале, не закапывали мёртвых за угольником — от нас почти и не убегали. Жили себе и жили. День прошёл, другой прошёл, неделя сложилась, а там и месяц, а из них — год...

Вот так, в общем. Так мы жили до мая.

Потом всё случилось очень быстро. Как-то сразу перестали подвозить продукты, и вообще наш детдом повис в воздухе, как говорится. У нас были знакомые "за забором", конечно, они рассказывали что-то про импичмент, про власть, про войну даже, но и сами толком не понимали, что к чему, и рассказы получались сбивчивые. А потом город начал пустеть — не стремительно, но явно. Как-то утром выяснилось, что и директор, и вообще почти все взрослые смылись. Смылись, и всё. Остались только Инна Павловна, воспиталка, и наш физрук, Антон Анатольевич. Но еды почти не было, а главное — никто не понимал, что происходит. Даже взрослые. Кстати, тут выяснилось, что это довольно страшно — когда взрослые растеряны. Мы на них плевали, конечно, но как-то привыкли, что они за всё отвечают...

Потом стали разбредаться воспитанники. Не убегать, а именно разбредаться, не прячась. У кого-то оставались старые завязки с беспризорниками, кто-то просто уходил, куда глаза глядят. Я тоже думал уйти, но, честно сказать, испугался, когда вышел в город. Тамбов был не то чтобы пустой... нет. Какой-то... в общем, я посмотрел, как на углу грабят продуктовый магазин, как мимо проехал грузовик с несколькими вооружёнными ментами — они везли семьи — и вернулся.

Той ночью ушёл Антон Анатольевич. Мелкие рассказывали, что он приехал откуда-то и привёз в своём "пирожке" винтовки, снаряжение, патроны... Коробки с консервами — много — и сухими супами он оставил Инне Павловне, а сам коротко переговорил со старшими ребятами — теми, кому было уже по 16–17 лет — и шестеро из них ушли с ним, взяв оружие и прочее. Я сам не видел, так говорили младшие.

В общем, скоро нас осталось столько, сколько я сказал вначале. За себя скажу — мне просто страшно было уходить. За остальных — не знаю. И ещё — Инна Павловна, которая как-то о нас заботилась. Может, ещё и поэтому не уходили — тут был взрослый...

Света давно не было. Воды тоже, и канализация не работала. Да вообще ничего не работало, хорошо, что уже был май и ночи стояли тёплые.

А потом... потом...

...Мы их увидели, когда торчали на подоконнике между этажами. Я это часто вижу во сне. Улица, ветер гоняет пакет. На той стороне — пирамидки в свежей зелени. Стоит какой-то дед с палкой.

А посреди улицы идут люди. Много, около сотни. В военной форме — не такой, как наша, стволы оружия влево-вправо, как в кино. А между ними едут угловатые машины, не очень большие, пятнистые. С ООНовскими флагами, и стволы тоже влево-вправо. Люди в машинах смотрели по сторонам. Мы с Тёмычем — а как раз мы сидели на подоконнике — как маленькие, бросились к Инне Павловне...

...К нам пришли ближе к вечеру. Мы все сидели в одной комнате, в девчоночьей спальне на втором этаже — мы и Инна Павловна. Я теперь-то понимаю — надо было сразу уходить. Но мы от того, что происходило, как-то окаменели. Я даже не помню, что делали весь день. По-моему, просто — сидели в комнате, даже молча. И всё. А потом по всему пустому зданию как-то очень громко раздались шаги, голоса, оклики. Смех. Смех был самым

страшным. Мы повставали и сгрудились в углу. Дрын начал икать, громко так, я сперва удивился, а потом испугался — услышат... Девчонки затолкали младших за себя и как-то неосознанно прикрыли, как могли — собой и руками. А эти шли долго-долго, и я смотрел на дверь и думал только — ну что вы, скорее же идите, я не могу так...

И они вошли. Сперва один — вскинул оружие, но тут же его опустил и что-то сказал в коридор. Вошли ещё двое. Они все были молодые, не очень высокие, смуглые. И смотрели на нас удивлённо-непонимающе. На рукавах курток я увидел жёлто-сине-красные нашивки и вспомнил вдруг, что это флаг Колумбии. В нашем кабинете рядом с моей партой висела карта мира, а внизу — флажки разных государств. Я иногда подолгу смотрел и почти все запомнил. Это был колумбийский. Точно.

Они долго на нас смотрели. А мы на них. Или это мне показалось, что долго, от страха? Хотя не помню, чтобы я очень боялся. Я стал очень сонный и вялый, никакой прямо. Потом один вышел, что-то буркнув. Инна Павловна стала говорить по-английски — я не понимал, но она говорила быстро, высоким голосом.

А потом один из солдат подошёл к нам и ударил её в живот прикладом винтовки — М16, это даже пацаны знают, что есть такая и как она выглядит. Ударил, за вывернутую руку оттащил к кроватям, ударил ещё раз — в лицо... и стал делать это.

Я сто раз видел это по виду. Но тут не было ничего похожего. Он просто хрюкал как-то и двигался на женщине, приспустив штаны, а на ней всё разорвав. Снаряжение ему мешало, я это видел. Мы все видели и все смотрели, только девчонки старались закрыть младшим глаза. Второй солдат стоял у дверей, курил и улыбался. А слушал, как икает Дрын, как очень трудно дышит Генок и хнычет кто-то из младших. Я слушал и думал, что у меня теперь никогда в жизни не встанет. Так и думал. Только об этом.

Потом колумбиец кончил и, отойдя в угол, стал мочиться. Что-то спросил у своего приятеля, но тот помотал головой и затянулся поглубже. Тогда первый, застегнув штаны, подошёл к кровати и выстрелил Инне Павловне в рот.

Никто не крикнул, хотя все мы дёрнулись, как будто через нашу кучку пропустили ток. А подушка на кровати стала красной, и головы у Инны Павловны больше не было.

Второй подошёл к нам и потушил окурки о лоб Дрына. Тот заверещал — не закричал, а именно заверещал и упал на колени. Мы подались в стороны. Солдат усмехнулся, взял Светика за волосы и потащил за собой.

Она закричала — страшно-страшно, пронзительно, вот так: "Ааааа!!!" Тогда закричали все, я тоже. Но первый начал стрелять — сперва в пол перед нами. Потом — в потолок (на нас посыпалась штукатурка). И мы замолчали, только Светка кричала и упиралась, а потом крикнула: "Сань-ка!" — и голос у неё стеклянно обломился.

Знаете, я сейчас часто думаю. Я думаю, если бы она не закричала имя — мы бы сейчас все были мёртвые. Но она позвала Саньку. Светик ему нравилась с первого класса. А она на него не обращала внимания.

Но сейчас позвала.

Санька бросился вперёд и сшиб солдата с ног. Он высокий, мощный и очень добрый, даже странно добрый для детдомовца. В пятнадцать лет потянет на семнадцатилетнего. В общем, он сшиб солдата, они упали на пол, Светка отлетела к стене и тоже упала. Потом мы все две или три секунды смотрели, как Санька и солдат барахтаются на полу.

Ещё потом первый солдат — тот, который убил Инну Павловну — стал снимать винтовку с плеча и зацепился за снаряжение ремнём. Лицо у него было недоверчивое. А ещё потом Тёмыч подошёл (медленно-медленно) к борющимся, расстегнул ремень М16 подмятого Санькой солдата и застрелил первого колумбийца. Тот полетел к стене, ударился в неё и стал плевать кровью, но быстро затих. Тёмыч приставил ствол к голове подмятого Санькой, но было уже ничего не нужно. Тот посинел и вывесил язык. Санька встал, еле расцепив пальцы, хрипя и пуская слюну. Потом подошёл к Светику, поднял её и стал целовать ей руки — жадно, как будто пил. А та ревела и гладила его по волосам...

...Последнего из троих Санька и Тёмыч застрелили на лестнице. Я взял его винтовку,

никто не стал возражать. Мы вообще ничего не говорили друг другу и действовали очень слаженно, как будто какая-то программа включилась. Инну Павловну отнесли во двор и похоронили за складом. Потом собрали еду, какая была, какие-то лекарства, взяли одеяла, обобрали убитых. Как раз совсем стемнело. И мы, перебравшись через улицу, ушли в лес вдоль Цны...

...Конечно, никто из нас леса не знал. Нам всем он нравился, но представления о нём были самыми смутными, просто он теперь казался самым безопасным местом на белом свете. Мы шли до утра, без остановок, а потом забились в какой-то овраг и уснули кучей. И так делали ещё два дня подряд. Младшие ни на что не жаловались ни единым словом и только цеплялись за нас, как за спасательные круги при первой возможности. Зато то и дело хныкал Дрын. Просто так хныкал, нипочему.

Потом мы нашли Илью. Он шёл нам навстречу по лесу — мальчишка лет 7–8, в когда-то хорошей, но разодранной в клочья одежде, с обгорелой спиной. Шёл и стонал, мы даже сперва испугались все. Он и тогда ничего почти не рассказал, и потом мы смогли добиться только, что "все убегали на машинах, и мы с папой и мамой, а потом всё загорелось". Дрын вдруг начал визжать, что и самим жрать нечего, а тут ещё разные на дороге... Тогда Генок подошёл к нему и молча ударил ногой в яйца. И мы пошли дальше. Девчонки несли Илью (к вечеру он пошёл сам). А Дрын — зарёванный — нагнал нас через пару минут.

На следующий день мы нашли деревню. Просто в лесу, заброшенную сто лет назад, к ней даже дороги никакие не вели. И остались там жить.

Наверное, именно тогда мы стали приходить в себя. О себе скажу только, что на вторую ночь в этой деревне я вдруг проснулся и начал выть. Именно выть, громко и неудержимо. А потом кататься по полу. Я выл и катался... выл и катался... Потом кто-то взял меня за голову и я уснул.

И почти у всех было что-то похожее. А потом человек как бы оживал...

...Жить в деревне оказалось трудно. Мы не знали, как топить печку, да и дров не было, поэтому просто сделали из кирпичей большой очаг в одном доме, целее других, даже с дверями и кроватью, из которой мы кое-как сделали шконки в пол-комнаты. Охотиться не получалось, хотя у нас были винтовки — в лесу, казалось, ничего и живого-то нет, кроме мелких птичек. Мы как могли растягивали консервы и сухари, ели щавель и варили крапиву. Хорошо, что рядом оказалась рыбная речка, и рыба хорошо шла и на самодельные удочки. Ещё на огородах оказалось много самосейки — картошки, свёклы, лука — и девчонки наперебой говорили, что к зиме мы соберём то, чего не сеяли и с голоду не умрём. Мы как-то привыкли к мысли, что и правда будем тут зимовать. И часто думали про другое — у многих разваливалась обувь, почти у всех сильно истрепалась одежда.

А вот про то, что творится вокруг, мы не знали и не хотели знать. Даже не разговаривали про это. В конце концов, тот мир, что бы с ним и в нём не случилось, никогда не был нашим. Правда часто над лесом пролетали самолёты... Но их гул был единственным напоминанием о мире взрослых с его непонятным ужасом...

...И вот Генок принёс из того мира оружие.

* * *

— Не знаю, — угрюмо сказал Генок. — Не знаю я, что там... — он погладил ствол своего автомата. Помолчал и добавил: — По-моему это это. Оккупация типа.

Он уже рассказал, что и как. Ушёл? Да, хотел уйти совсем. Затосковал, не мог больше нас видеть. Шёл наугад, вышел к дороге, заставленной сгоревшими машинами. И люди там тоже были. Да. Он уже тогда хотел повернуть, но всё-таки пошёл дальше. Дошёл вечером до большого посёлка. Огней почти нет, людей тоже. В крайнем доме был свет, он заглянул. Двое негров трахали бабу, ещё один — мальчишку лет 10–12, по всей комнате лежали оружие, снаряжение, жратва... Он дождался, пока там набалуются, уснут. И унёс, что попало под руку.

— Чего вернулся? — спросил я. Генок хмуро ответил:

— Там некуда идти... — посмотрел на нас, огонь очага раскрашивал его лицо. — Понимаете? Там уже не просто не наш мир. Там всё не наше, мы там не нужны совсем.

— Что же делать? — тихо спросил Тёмыч. Генок пожал плечами:

— Каб знал... Потому и вернулся, что не знаю. Вместе как-то...

— А наши где? — спросил Санька. Мы все посмотрели на него удивлённо. Он произнёс это слово "наши"... и я подумал — странно. О ком он? Но Генок, кажется, понял:

— Не знаю я... — тоскливо ответил он. — Я же не говорил ни с кем. Но эти ездят и ходят без опаски совсем. Разные. Американцы есть, я видел. А больше всяки сбродень.

— Ясен перец, — Дрын встал. — Всё. Хорэ. Вы как хотите, а я ухожу.

— Куда? — уточнил Санька. Дрын окрысился:

— На муда! Правда что ли тут зимовать?! Раз там, — он ткнул куда-то в направлении Москвы, — живут и не стреляют, значит, хватит х...й страдать, пора о себе подумать!

— Тебе рассказали, как там живут, — заметил Тёмыч.

— Много он видел! — Дрын попятился к дверям. — И не держите меня! Я тут не хочу гнить!

— Иди и догнивай там, — буркнул Санька. — Никто тебя не держит.

Дрын выбежал.

— Сдаст, — сказал Генок, вставая. — Сразу сдаст, как выйдет. Где тут... — он повозился с автоматом. — А, вот...

И тоже вышел. Его никто не удержал.

Мы трое остались сидеть у огня, держа в руках винтовки.

— Спать пора, — нехотя сказал Санька. Потом добавил: — Я утром пойду... ну, гляну, что там. Вообще. Со мной пойдёте?

Тёмыч кивнул. Я сказал:

— Угу. С мелкими кто останется?

— Генок, он уже ходил... Знаете, пацаны, — он вздохнул. — Я вот думаю, думаю... Инна Пална... Она же нас правда любила. А мы её не защитили. Не попробовали даже. Я вот думаю. Думаю... — он скривился и толкнул себя в висок кулаком.

Вошёл Генок. Он был бледный и часто облизывался, потом сплюнул, садясь. Свесил голову между колен.

— Проводил? — спросил Санька. Генок кивнул, не поднимая головы. — А что тихо так?

Генок показал из рукава длинный нож с рифлёной рукоятью. Сказал тихо, глядя в пол:

— Я его в колодец кинул, в заброшенный... — потом встал и равнодушно сказал: — Пойду поблую, не могу больше. Он такой... мягкий оказался...

Генок вышел. Мы остались сидеть. Кто-то из младших захныкал, Светка привстала, не глядя на нас, начала его успокаивать, перелегла поближе.

— Куда пойдём-то? — спросил Тёмыч. Санька пожал плечами:

— Я не знаю. Пойдём. И всё. Серёня, — повернулся он ко мне. Меня зовут Сергей. Ну или Серёня... — ты точно с нами?

— Угу, — буркнул я опять и кивнул. Провёл рукой по ручке на М16. — Давайте спать, а? Поздно уже.

* * *

Мы не договаривались — во сколько встать, всё такое прочее. И меня, например, никто не будил. Просто я проснулся и увидел, что Санька и Светик не спят. Он сидел и проверял магазины к винтовке, а она кипятила чайник. Пахло земляничным листом.

Я что-то буркнул в ознаменование утреннего приветствия, вышел наружу. Было ещё почти совсем темно, туманище, прохладно. Где-то снова грохотал пролетающий самолёт. Я отлил за углом полуразвалившегося сарая, умылся из канавы с неожиданно тёплой водой, посидел немного, думая о том о сём. А когда вернулся, то и Ленок не спала, и Тёмыч с Генком поднялись. Смешно и дико, но о Дрыне никто не говорил и, по-моему, даже не

вспоминал.

Девчонки разлили нам чай в консервные банки. Мы съели по две галеты — из тех, что принёс Генок. Он сам сидел хмурый — кажется, пока меня не было, просился с Санькой и тот, похоже, ему отказал.

Пока мы с Тёмычем обувались, Санька со Светиком вышли наружу. Потом, когда на выход двинулся и я, то увидел их. И остановился в дверях.

Они стояли в тумане недалеко от крыльца. По пояс. Неподвижно стояли, молча, ничего не делали, хотя мне сперва показалось, что они целуются. На самом деле Санька, чуть нагнув голову, просто смотрел в лицо Светки. А она своё лицо подняла и тоже... тоже просто смотрела. И ещё Санька держал её руки — обе сразу, спрятав в своих — у себя на груди.

Они были... не знаю. Не умею сказать. И не хочу говорить. Я только попятился назад, впихнул обратно зашипевшего что-то матерное Тёмыча и громко сказа, рискуя разбудит ьмелких:

— Ленок, дай там это...

— Что? — удивлённо спросила она (у неё были красные глаза).

— Это! — повторил я. — Тьфу, блин, забыл из-за вас. Чего стоишь, Тём, пошли!

— Совсем съехал, — тоже не очень тихо сказал Тёмыч.

В общем, когда мы вышли, Светки уже шла обратно к крыльцу. А Санька ждал нас около той канавы.

* * *

Мы опять почти не говорили, как три недели назад, когда шли по лесу все вместе, не зная, куда. Но сейчас были другие причины.

Винтовки мы несли в руках, наготове. За прошедшее время мы худо-бедно с ними разобрались и даже научились разбирать — не полностью, но разбирать. И чистили после каждой стрельбы — слюной, это Тёмыч где-то то ли читал, то ли слышал, что оружие можно чистить слюнями. И он же сказал, что винтовки гавно. Это было правдой, они нередко осекались, и мы долго мучились, прежде чем догадались, что такая пупочка сбоку у приклада — специально для того, чтобы запихать в патронник недошедший патрон. А какое оружие припёр вчера Геныч — мы вообще не знали.

У нас были по две гранаты, у Саньки — пистолет. И у всех ножи, точнее — штыки. И снова странно. Мы ничего не обсуждали, ни о чём не спорили. Как будто всё заранее решили. И как будто никак иначе быть не могло.

Может, и правда не могло.

Мы шли долго. Сперва по заросшей дороге, которая когда-то вела в деревню. Потом совсем лесом, потом вышли на просеку. Полностью рассвело, солнце целиком вылезло из-за горизонта. Я, если честно, даже подумал — заблудимся, не вернёмся же. И как раз когда я это подумал, впереди замаячил просвет.

Нет, это оказалась не деревня, про которую рассказывал Геныч, а дорога. Асфальтовая, по другую её сторону — метрах в сорока от нас — лежали несколько сброшенных под откос легковых машин, сторевавших, чёрных. А слева — метров за сто от нас, от кустов, в которых мы стояли — ехала ещё одна машина. Небольшая, оливково-зелёная, с развевающимся голубым флажком. В ней сидели трое — двое спереди, один сзади, опершись локтем на задранный в небо пулемёт...

...Мы их убили.

Мы стреляли стоя, не прячась, когда машина почти поравнялась с нами. Винтовки мягко выговаривали "ду-дуд, ду-дуд", почти не отдавая в плечо. Мне в лицо летели гильзы Санька. Машина перевернулась и, падая, перерезала пополам уже мёртвого водителя. Пулемётчик, которого выбросило из автомобиля попаданием в грудь, лежал на дороге. Третий долетел почти до наших кустов и рухнул в траву.

Ду-дуд, ду-дуд, продолжал стрелять Тёмыч, пока Сашка, обжигая пальцы, не пригнул его винтовку за ствол в землю.

Бум. Машина загорелась неярким пламенем, без киношного взрыва.

Мы стояли и смотрели, как она горит. Потом пошли на дорогу.

Пулемётчик оказался огромный негр. Определить, к какой армии принадлежали убитые, мы сначала не могли — флажок на машине оказался голубым ООНовским. И только когда я рассмотрел на разобранном пулей рукаве того, который долетел почти до наших кустов, тоже негра, зелёно-бело-зелёный флажок, то машинально сказал:

— Нигерийцы.

— Один хер, — Санька уже потрошил патронную сумку убитого. Мы с Тёмычем подобрали два "калаша" и пробовали подлезть к джипу, но не смогли — бледное пламя было очень сильным. — Гранаты возьмите, вон там висят...

— Тихо! — выдохнул Тёмыч. — Мотор!

Мы, не сговариваясь, дернули обратно в кусты. Но остановились почти сразу. Переглянулись. Лица у моих дружков были возбуждёнными и испуганными.

— Один, — прошептал Тёмыч, как будто нас могли услышать. — Давайте ещё, а?

— Посмотрим, — так же шёпотом ответил Санька, и мы, крадучись, вернулись к дороге.

Грузовик — большой открытый старый "бивер" (так сказал Санька, который увлекался разными ездящими штуками) — появился минут через пять. в кузове были сложены какие-то ящики. На них сидели двое негров, был установлен пулемёт, в кабине виднелись ещё двое. Я покосился на Саньку. Тот, перекатывая в ладони две маленькие гранаты, смотрел на замедляющий ход грузовик азартными глазами, потом сказал тихо:

— Когда рванёт — стреляйте по всему сразу.

— Ты куда?!. — Тёмыч не договорил — Санька канул в кусты. Мы переглянулись.

Грузовик остановился метров за пятьдесят от нас. Из кузова спрыгнул и, пригибаясь, пошёл вперёд, к трупам пулемётчика на дороге и горящему джипу, солдат. Второй встал и, пригнувшись, навёл на кусты — точно на нас — пулемёт. Мы замерли.

Негр прошёл половину расстояния, всё медленней и медленней. Потом — мы ничего не заметили, без всякого перехода — в кузове дважды грохнуло, пулемётчик исчез, и мы опять начали стрелять. Тёмыч в негра на дороге, а я как-то сразу сообразил и ударил по кабине, точно в лобовое стекло.

Из правой двери кто-то выпал, прыжками ринулся прочь и упал, словно на стену наткнувшись. Со стороны водителя стекло медленно осыпалось внутрь. Застреленный Тёмычем лежал на дороге — спиной к нам, так, как бросился обратно.

Снова всё получилось быстро и просто. Даже странно быстро и просто...

... - Хавка! — Тёмыч выбросил на дорогу один из ящиков. — Хавка-а-а, гля, пацаны, сколько хавки! Бля, бля, бля-а-а! — он даже заскулил. — Не унесём же!

— Брось! — Санька передал мне в руки тяжёлый пулемёт, как у немцев в фильмах про войну. — Брось нахрен, оружие берём, боеприпасы, а жрачки — потом, сколько сможем!

— Да куда нам столько оружия?! — Тёмыч, откусывая от большой сухой печенины, давясь, отпихивая локтем винтовку и другой рукой набивая печенье в карманы.

— Оружие бери, чмо! — крикнул Санька. Тёмыч поперхнулся... и стал потрошить "лифчик" убитого в кузове пулемётчика. — Скорее, не может быть, чтобы не засекли всё это... — Санька посмотрел на небо. — Фляжки надо взять, лифчики снять, давай, ну?!

Когда мы начали спешить, руки сами затряслись, пальцы стали путаться в застёжках и креплениях... Ворочать мёртвых было не противно — никак вообще, как будто это лежали манекены, мы один раз ещё тогда грузили в какой-то магазин, подрабатывали...

Конечно, еду мы взяли тоже. Потом я думал, что всё-таки, наверное, был прав Тёмыч, лучше было взять побольше еды, ну и боеприпасы, а не само оружие. Но тогда я не хотел возражать Саньке, мне казалось правильным то, что делал и говорил он.

Мы нагрузились тяжело. Килограмм по двадцать пять каждый. Я столько никогда в жизни не таскал далеко, а ведь нам предстояло возвращаться домой... Будь мы поопытней, мы бы попутали следы и спрятали часть груза где-нибудь в стороне. Но в тот момент мы

были пьяны от удачи, от того, как всё оказалось легко... и ещё от чего-то, от какого-то непонятного, никогда раньше не испытанного ощущения. А раз неиспытанного — то и названия ему мы подобрать не могли.

Перед уходом Санька нацарапал штыком на водительской двери "бивера":

ВСЕМ ВОТ ТАКОЙ КОНЕЦ, БЛЯДИ

И нарисовал — как сто раз, наверное, делал на заборах и в заброшенных под снос домах, где мы иногда кучковались — грубое подобие того, что у каждого мужчины (и мальчишки) есть между ног. А ниже подписал:

СОСИТЕ У РУССКИХ!

* * *

Ой. Ё. Не знаю, как мы не переломились, пока тащили. Если бы не Санька — честное слово, побросали бы половину всего. Но он пёр пулемёт, один автомат и ещё кучу разного...

Часа через два я был способен уже только переставлять ноги и меня даже не интересовало, куда и когда мы выйдем. Пот заливал глаза. Комарьё ело меня заживо. Плечи растёрли ремни.

Короче, я не поверил, когда мы вдруг вывалились (иначе не скажешь) к речке, за которой начиналась наша деревня. В речке плескались наши мелкие пацаны, а Ленок за ними наблюдала.

Нас увидели сразу. Ленок рванула в деревню. Мелкие повыскакивали из воды. И ломанулись к нам толпой — с огромными глазами, но потом сразу остановились и пошли на приличном расстоянии, не сводя с нас глаз и зачарованно перешёптываясь:

— Автомат какой...

— Ты придурок, это пулемёт. У Шварцнеггера такой был...

— Ну и гонишь ты всё...

— Я тоже такой хочу...

— Ага, натяни себе знаешь куда?..

— А куда они ходили?

— Спроси.

— Спроси ты...

— Не, на х...й.

— А я тоже следующий раз с ними пойду.

— Ага, а Санька тебе пи...ды знаешь как...

— Хорэ матюкаться! — вдруг выверился Санёк. Все остолбенели и притихли. — Блин, ещё раз мат услышу — урою нахрен! Ты, ты, ты! — он ткнул в пацанов постарше, Вовку, Бычка и Симку. — Забрали хавку, быстро в дом отнесли! Остальные свалили купаться, пошли отсюда! — девчонки уже бежали навстречу, и Санька кивнул им. — Пришли... — назначенные мелкие уже мелькали пятками в сторону "нашего дома", таща банки-коробки. — Лен, давай иди, опять за ними посмотри...

Она пошла, оглядываясь и гоня перед собой остальных. Светка молча приняла у Санька автомат, и тот тяжело перевёл дух:

— Устал... — признался он.

* * *

Я проснулся около трёх часов дня. Было жарко, пахло супом — с мясом! Мелкие почти все сидели в углу комнаты вокруг Ленки, та что-то им объясняла, чертя на стене углём буквы. Тёмыч спал рядом со мной. Светка сидела у очага, на котором булькала большая кособокая кастрюля с проволочной петлёй. Санька разбирал на полу пулемёт, тихо поругиваясь. Около него устроился Илюшка. Геныч сидел на пороге лицом наружу — дулся, кажется.

Я лежал неподвижно и не понимал, что чувствую. Ни разу за все мои тринадцать лет я ничего такого не ощущал. Мне хотелось плакать и в то же время было очень хорошо... и ещё что-то...

— Дядь Сань, — услышал я голос Ильи и увидел, как двинулись его лопатки под свежим бинтом, пропитанным чем-то от ожогов. Ожоги заживали плохо...

— М? — буркнул Санька.

— А вы воевать ходили?

— М-угу.

— А вы победили?

— М-угу, — Санька с натугой вытащил ствол, начал что-то говорить про маму, но оборвал себя.

— А тогда можно к маме вернуться?

Санька поднял голову. Илья осекся, и у него набухла нижняя губа.

Светка оказалась рядом с ним и обняла за плечи:

— Пока нельзя, — сказала она, осторожно глядя мальчишку по шее и затылку. — Там злые люди. Их много пока. Вот когда всех прогонят... ты вернёшься к маме и папе. Обязательно, Илюшка. Мы с дядей Саней сами тебя отведём. А пока ты поживёшь с нами, да?

Илья секунду смотрел на неё. Потом быстро кивнул и спрятал голову у неё на боку, как совсем мелкий. Глаза Светки стали огромными, но остались сухими. Санька закашлялся... и у него стало нехорошее лицо. Многообещающе лицо. Страшное.

— А они сюда не придут? — спросил Илья, не отрываясь от Светки.

— Кто? — выдохнула девчонка.

— Они, — Илюшка дрожащее вздохнул. — Которые нас подожгли...

— Не придут, — буркнул Санька. — Обсосутся приходить, ходилки ещё не отрастили. Слышь, герой. Дай-ка мне вон ту штуку и поддержи вот тут...

Я уже почти совсем решил встать (суп, кажется, был готов), но тут Ленок в углу сказал:

— О, а где ты это нашла?

В руках у одной из девчонок была разбухшая от сырости старая книжка с неразличимой обложкой. Девчонка махнула рукой:

— Там, в одном доме.

— Сколько раз я говорила, — Ленка несильно стукнула её по носу этой книжкой. — Сколько говорила — не суйтесь в старые дома, прихлопнет, как таракана!.. Это букварь... Какой старый, — Ленка улыбнулась, — я такого и не видела... Ну-ка, что тут, на первой странице? — она распахнула разворот. Мелкие сосредоточенно зашушукали, потом кто-то прочёл:

— Мы не рабы. Рабы не мы.

— Правильно, — сказала Ленка. — Мы не рабы. Рабы не мы. А теперь давайте это повторим вместе. И погромче. Поняли?

... - Мы не рабы! Рабы не мы!..

* * *

— В общем так, — Санька затушил окурок о носок кроссовки. — Хватит. Мотаться по округе, переходим на ночную жизнь. Все. Старшие, младшие... Чую — нас будут искать с воздуха. Давайте мозговать, как не попасться.

— Думаешь, из-за сегодняшнего будут искать? — спросил Генюк. Санька поморщился:

— Из-за послезавтрашнего... Помнишь, как к той деревне выйти, где ты был?

— Помню, — усмехнулся Генюк.

— Ну вот и поговорим. Когда искупаемся! — Санька шлёпнул себя по бёдрам и прыгнул с ветлы, на который мы сидели, в реку.

2. МОХНОЛАПЫЕ ЛЕСНЫЕ ЖИТЕЛИ

Всю неделю лил дождь.

Он был не холодный, не осенний, а тёплый, но уж больно нудный и постоянный. Он шёл днём и шёл ночью, им начинался вечер и за ним пряталось утро.

Мы обалдевали от этого дождя.

Девчонки возились с мелкими, мелкие тоже не особо скучали — дрыхли, болтали, вылезали под дождь, играли в доминошки, карты, шашки и шахматы на расчерченной прямо на столе доске — всё это им мы повырезали из деревяшек... Собственно, их-то жизнь не сильно изменилась, и даже Илья — его ожоги поджили наконец-то — как-то подзабыл ужас бомбёжки и свою погибшую семью... Еды у нас хватало. Ну — пока хватало.

Мы вылизывали оружие — снова и снова. Собачились. Чуть не подрались из-за пистолетов — в результате браунинги достались Генку с Тёмычем, а я обломился. М16 мы тоже поменяли на АКМ, с ними было меньше возни. Только Санька взял себе пулемёт. Тоже играли во всё подряд... Во всём этом было что-то неправильное, но мы не находили в себе сил куда-то идти под дождём, а взрослого — приказать, выгнать нас — не было. Даже Санька как-то потускнел. И заколотил колодец, куда Генок сбросил зарезанного Дрына.

От нечего делать мы взялись разбираться с печкой. В принципе, она была пока не нужна. Но во-первых, готовить во дворе стало невозможно, а Ленок заявила, что мелким надо есть горячее, готовить же на очаге неудобно, то подгорает, то сырое остаётся и все мы наживём гастрит и язву. Почему-то гастрит и язва нас сильно напугали, мы и приступили к решению проблемы.

Оказалось, что особой проблемы-то и нет. Надо было только почистить забитый по самый верх трубы дымоход и ещё отодвинуть такую железную фигень вверху печки. О втором мы догадались экспериментальным путём и уже позже.

В трубу мы запихали младшего и самого тощего из наших пацанов — семилетку по прозвищу Пушок. Сперва тот выражал несогласие визгом (девчонки — и старшие и младшие — смотрели на нас, как на палачей, а мальчишки Пушку явно завидовали) и даже кусался, когда понял, что добром отбиться не удастся — но потом вошёл во вкус и сопровождал активную работу в трубе завываниями и уханьем. Тут уж даже мы позавидовали...

Трубу Пушок прочистил (хотя с определённого момента я начал бояться, что он застрянет, правда). Но какой он оттуда вылез — вы бы видели, граждане избиратели! Во-первых, он был чёрный, как негр. Мы предполагали что-то подобное и запихали его в трубу в одних трусниках. Но это ещё полбеды. Сажа сыпалась с него хлопьями, а часть её попала через печь внутрь избы и категорически не желала вычищаться. Почти как перья. Знаете, что разлетевшиеся перья невероятно трудно вычистить? Вот и с сажей было то же самое.

Потом мы экспериментально затопили печь... и чуть не задохлись от активно повалившего внутрь избы какого-то особенно густого и агрессивного, почти живого дыма. Санька отступал последним и даже под дождём продолжал перхать, чихать и кашлять ещё минут десять.

Положение спасла Ниночка — тихое большеглазое создание, которое попало к нам в приют всего год назад из какой-то деревенской семьи. Она решительно потребовала, чтобы её посадили на плечи и выдвинула эту самую железку, которая называлась вьюшка. После чего с плеч Генка сообщила, что в деревнях даже палку специальную держат — задвигать-выдвигать вьюшку. Мы притихли, поражённые мудростью селян. А Генок минут десять таскал Ниночку на себе.

В общем, печка работала. В связи с чем — да чтоб всех разорвало, кто эти книжки писал! — Светка вспомнила, что в печках раньше парились и она об этом читала. После этого девчонки стали поглядывать на нас с нехорошим интересом, как будто не париться собрались, а прямиком варить нас.

Но в одном они были правы. Мы и правда стали похожи на чушек и, если с одеждой

вопрос можно было как-то решить, то с мытьём... Бань в селе то ли не было отродясь, то ли они развалились к чёртовой матери. Оставалось и правда мыться в печке. Ну, или просто посреди комнаты, тем более, что Санёк заявил, что ему лично нужна как минимум доменная печь. Я поддержал, что скорей зарасту грязью или буду мыться в луже, чем полезу в печку и что в этом есть что-то нехорошее. Девчонки заявили, что немытым свиньям в луже самое место. Тёмыч коварно заявил, что и они сами не лучше нас и что мол пусть они пример и покажут.

Я вообще-то думал, что на этом дело и кончится. Но Светик и Леночка посовещались между собой и заявили, что, раз их мальчишки позорные трусы, то пример стойкости и мужества как всегда подадут русские женщины. Мы слегка офонарели, а девицы приказали нам натаскать дров, воды, зачем-то — соломы... и убираться под дождь.

Исполнив приказание мы все — четверо старших и пятеро младших ребят — уселись под навесом покосившегося сараюшки. Нам даже подглядывать не хотелось. Не знаю, кому как, а мне было и правда жутковато думать, что девчонки собираются мыться в печке. Младшие смотрели круглыми глазами на дверь и на трубу, из которой пёр дым. Бычок даже грыз ногти. Я дал ему по рукам и сказал:

— Сгорят ещё...

— С этим надо делать что-то, — буркнул Санька, кивая на трубу. — Прёт, как из кочегарки. Зимой с воздуха будет видно.

— Это дрова сырые, — возразил Тёмыч. — Сухие берёзки — и будет самый смак.

— Один фик, — пробормотал Санька, — тепловыми приборами засекут... Эх, — он явно хотел матюкнуться, но глянул на младших и не стал, — а вот надо было нам с Антошей и старшаками уходить, ведь честное слово надо было...

— Ты чего думаешь, — спросил я, — до зимы досидим?

— В ту войну кое-где по три года в лесах сидели, — задумчиво сказал Санька.

— Сравнил, — возразил я. — Может, война уже и кончилась.

— Для меня кончится, когда мы их выгоним или когда меня убьют, — сказал Санёк. И нехорошо посмотрел на меня. Я поспешил добавить:

— В смысле, может, наши уже победили...

— Да нет, — Санёк вздохнул, — похоже, что нет... Приёмник бы какой, хоть самый лажовый...

— Его тоже включать нельзя, — напомнил Тёмыч, — я зуб даю, тоже засекут.

— Между прочим, самолётов уже дня дней пять не слышно, — вспомнил Геночка. — Погода нелётная, верняк.

— Я так думаю, — вдруг сказал Санёк, — что мы этим... ну, оккупантам — мы им вообще не нужны. Никак. Даже как рабы. Мы лишние просто. Ну оставят они сколько-то там разных мудачков, в телике показывать. А так даже нефть нашу добывать или там землю пахать — разных пиндостанцев, всяких там уёб...ов, — он не удержался, — со всего света навезут типа как на плантации... А нас просто под корень. Так что их бить надо, пацаны. Не за родину даже, а просто чтоб выжить.

— Ты уже это говорил, — напомнил я.

— Говорил, — кивнул Санёк. — А тут мы под дождик что-то раскисли. Вот помоемся... если живы будем — и я пойду гляну, чего на белом свете. А то грузовик да джип — маловато будет.

— Дядь Сань, — подал голос Илюшка, — вы опять воевать пойдёте? Возьмите меня, а?

Мелкие дружным хором, хотя и негромко, начали ныть о том же. Глаза у них потихоньку загорелись — наверное, они вспомнили войну из телика. А я вспомнил красное крошево на месте головы Инны Павловны. И то, как грохнулся рядом с нами в кусты

убитый солдат-негр... И вздохнул. И передёрнул плечами.

И подумал, что Санька — прав.

— А ну умолкли к нехорошей маме! — рыкнул между тем Санька на младших и пощипал усики. (Он делал такой жест вот уже... да вот с эту неделю, когда прочно вообразил

себе, что у него пробиваются усы.) — Вы как, — обратился он к нам, — со мной?

— Конечно, — ответил Генок. Мы с Тёмычем просто кивнули. — Только надо идти не вместе. Разойдёмся в разные стороны, посмотрим, что где и через пару дней вернёмся. Тогда решим, что делать.

— Мысль, — одобрил Санька. — Да что там девчонки, поугорали, что ли?!

— Кому охота после бани на дождь идти, — философски заметил Тёмыч. А Генок заявил:

— Да ерунда это. В печке мыться. Так не бывает. Там и не поместишься.

— Поместишься, — неожиданно сказал Пушок. — Даже Санька поместится. Она снутри большая.

— Тебе видней, — язвительно сказал Тёмыч.

— Ага, — спокойно согласился Пушок, — я только сперва испугался. И ещё когда там через такой загиб проползал... немножко.

— Вот ты в печку и полезешь, — сказал Санька. Пушок неожиданно согласился:

— Ну и полезу, раз все такие трусы.

Остальные мелкие, недовольные таким наглёжем, заворчали, мы посмеялись. Пушок презрительно добавил:

— Это ж не сказка про Бабу Ягу.

Как раз на этих словах дверь приоткрылась, из неё потянуло паром — и Ленка, не показываясь, позвала:

— Мальчишки, идите, мы в другую комнату ушли!

Мы поднялись немного нехотя и переглядываясь. В конце концов было найдено решение — мелких погнали перед собой...

...Девчонки и правда смылись в соседнюю комнату — мы там прибрали, но не обживались. Оттуда слышались писк, смех и неразборчивые реплики. На полу было мокро, стояла жара, пахло баней. Над печью на нескольких верёвках висело девчоночье барахло, кое-что сушилось прямо на самой печке. Стояло большое деревянное корыто, найденное в одном из домов деревни и размоченное под дождём — когда они успели приволочь — непонятно. Как было неясно и когда они заготовили берёзовые веники — свежие. Дверь в соседнюю комнату приоткрылась, и Светка сообщила:

— Соломы свежей напихайте, печка ещё горячая совсем. И барахло кидайте в угол, мы потом стираем. А сами в одеяла завернитесь, мы потом всё на печи просушим.

Дверь закрылась.

— Куда солому-то пихать? — пробормотал Тёмыч. — Она же и так натоплена...

— Внутрь, — Генок открыл заслонку. — Точно внутрь. Блин, мы же чёрные все будем... о, тут какой-то чан с водой, где они его взяли?

— Пихай побольше, — предложил я. — Девчонки справились как-то...

— Угу, вот сейчас позову, чтоб объяснили, — пробормотал Генок, глядя в печку. — А вообще пацаны, тут и взрослый мужик поместится. Че слово... — он оглянулся на нас. — Давайте это. Раздеваться, что ли?

Я видел, что Саньке, например, больше всего хочется помыться просто снаружи, хотя бы стоя в том же корыте. Хотите смеяться, хотите нет, но лезть в печку было жутко. Мелкие вообще смотрели почти все уже не круглыми, а огромными и круглыми глазами. Наконец Пушок на храбро подрагивающих ногах подошёл к печке, потрогал её пальцем. Сказал: "Ой-я, горячо." Сунул голову внутрь. Мы все наблюдали за ним с неподдельным интересом, как будто сейчас все решал он. Пушок оглянулся на нас и стал решительно раздеваться.

— Ладно, — буркнул Тёмыч, — куда он один, сожжётся... Серёнь, давай соломы напихай, я

с ним полезу. Смотрите, чтоб девки не подглядывали.

Я принялся набивать горячее нутро печки соломой. Остальные тоже неуверенно раздевались, глядя, как Тёмыч посадил внутрь Пушка, а сам неуверенно переминается с ноги на ногу. Мелкий же тем временем завопил изнутри восторженно:

— Ой, тут здорово, лезь скорей!

Тёмыч умоляюще посмотрел на меня:

— Заслонкой не закрывай, — мне показалось, что ему хочется сложить руки перед грудью умоляющим жестом, и внезапно все мои опасения прошли:

— Да ладно тебе, — я улыбнулся, — глупости не говори, не в сказке же, правда. Давай вон, тебя зовут.

Пушок внутри попискивал что-то оптимистичное и призывное, как сурикат из документального фильма в своей норе. Тёмыч выдохнул и полез следом.

Я — если честно, не без удовольствия — прикрыл их заслонкой. На лицах у всех остальных опасение и неуверенность сменялись постепенно заинтересованностью.

Какое-то время в пещке было тихо. Потом раздались совершенно определённые звуки парилки и все облегчённо вздохнули — честное слово, хором. Потом вибрирующее завизжал Пушок — но явно от удовольствия. Тем не менее в дверь из соседней комнаты постучали, и Ленок встревожено спросила:

— Эй, что у вас?!

— Всё нормально! — Санька припёр дверь спиной.

— А чего Пух орёт? Не мучайте мелких, вы, лбы здоровые!!!

Заслонка с дребезгом выпала, и Пушок, высунув голову, объяснил:

— А меня никто... уйййййй! — голова исчезла, похоже, Тёмыч врезал ему веником.

Ленка ещё пару раз ткнулась с той стороны, но потом прекратила бессмысленные попытки и предупредила грозно:

— Уборка за вами!

Ну да, кто б сомневался. Санька кинул в дверь скомканными трусами-носками и буркнул:

— А стирка — за вами.

Мелкие вредно захихикали, сидя в ряд на нашем топчане и с интересом поглядывая на печку. Санька сказал Илюшке:

— Тебе не надо туда.

— Почему-у-у?! — возмутился наш найдёныш.

— В корыте потом помоешься. У тебя... — Санька посмотрел на пол и договорил с усилием, — ...ожоги ещё не прошли...

...Как мылся — чего тут рассказывать? Знаю только, что потом я первый раз за всё последнее время спал по-настоящему глубоко, без сновидений, без кошмаров, как в уютном тёмном тихом и тёплом помещении.

Когда я проснулся, дождя не было, через открытую дверь с улицы заглядывало раннее, но солнечное утро. Оказывается, старшие девчонки уже встали и сейчас тихим шёпотом обсуждали на пороге какую-то проблему. Я прислушался:

— Я вообще не понимаю, — шептала Ленок. — Я же сама ведро вот сюда поставила, умучилась, сил выносить не было. А оно вынесено. Свет, ведь вынесено?

— Вынесено, — подтвердила Светик. — И барахло просушено всё и сложено, а я ведь не доделала, так спать хотела... Чудеса...

— Чудеса... — шептала Ленка. — Может, пацаны?

— Да ты что, они и не вставали.

— Ну, малявки наши.

— И они не поднимались, ну мы же последние легли... Лен, — Светик понизила голос совсем до дыхания, я еле-еле слышал, сам от любопытства не дыша, — а ведь в той, ну, в соседней комнате... я заходила... там кто-то убрался. Выметено, и всё сырое притёрто, и

окна вымыты... хоть сейчас мебель заноси и живи... И у нас тут тоже — окна протёрты, а мы и не делали этого... Мы спали-то часа четыре, а тут всего понаделано — человек пять должны были работать. И бесшумно.

— Ага, ты же знаешь, — Ленок заговорила было громче, покосилась на нас — я успел

притвориться спящим, — ты же знаешь, у меня сон чуткий. А тут спала, как колода...

— И я тоже, — согласилась Светка. И вдруг сказала: — Ле-е-ен... а что если это... что если это — домовый?

— Кто-о-о-о?! — снова повысила голос и снова оглянулась на нас Ленка. — Ты чего, Светик, перенедоспала?!

— Ничего подобного, — Светка не обиделась. — Домовые есть, я точно помню. Я тогда ещё маленькая была и жила с родителями... — её голос немного потускнел. — Только я вот этого как раз и не помню. Ни где, ни как мама и папа выглядели... — она тряхнула головой. — Ну вот. Он посмотрел, что мы тут обживаемся, проснулся и решил нам помочь.

— Нет, ты не перенедоспала, — убеждённо заявила Ленка. — Ты недопереспала. Домовые какие-то...

— Ну а как ты эту фигню объяснишь? — спросила в голос теперь уже и Светка. — А что консервы из банки доедены, рыбные, а сама банка в мусорнике лежит?! Я проверила!

Завозился и чертыхнулся Тёмыч.

Я понял, что пора вставать.

* * *

Генок был одним из немногих, кто помнил, что его настоящая фамилия — Путин.

Вообще в самом этом факте ничего странного не было. Путиных в России намного больше, чем президентов. Просто в младших классах фамилия Генка так достала его самого, что он возненавидел её "исконного" носителя и её саму. И даже на произнесённое старшими — не откликнулся в принципе. Он был просто Генок. Обычный Генок. Чего вам ещё надо?

Он шёл по лесу почти без перерывов до трёх дня, пока не стало жарко, как в печке. Паутина липла к лицу и рукам, нудно позванивали комары. Пару раз ему казалось, что слышен гул моторов, но снова и снова он понимал, что обманулся.

Ему стало скучно и немного страшно от этой пустоты, жары и того, какой вокруг большой лес. Когда они — все четверо — стоя за околицей, договаривались, кто куда пойдёт, ему казалось, что это всё равно. А сейчас Генок начал думать — может, если бы он пошёл в другую сторону, то уже наткнулся бы...

На что бы наткнулся? Он как-то сразу вспомнил, что идёт война и опять прислушался. Нет, ничего.

Он попил из фляжки, но вода степлилась и отдавала чужими запахами — аспирином, пластмассой, ещё чем-то непонятным и неприятным. Генок вообще стал за последнее время очень чутко различать запахи, но сейчас только поморщился и брезгливо вылил воду в трухлявый пенёк. Вообще-то это было нерационально, но, как это часто бывает, нерациональность оказалась вознагражденной сразу — в небольшом распадочке, заросшем диким тёрном, Генок нашёл родничок. Из-под корней большого дуба пробивалась бесшумная маленькая струйка ледяной воды — и тут же исчезала непонятно где. Чавкая по мокрой земле кедами, Генок напился и наполнил фляжку. Подумал, напился снова и щедро вымазал руки и лицо холодной грязью. От комаров (надоели, паскуды!) и для маскировки.

И только потом увидел у корней того же дуба заткнутые под них утиную голову, какие-то перья и прочее.

Сперва Генок решил, что это работа какого-то зверя. Но только сперва, потому что голова была явно отрезана, да и перья — сощипаны. Кто-то, видимо, тоже набирал воды и спрятал всё это. Человек. Человек, который считает нужным прятаться.

Мальчишка прислушался и принялся. Через полминуты его нос уловил слабый запах дыма от костра...

...Мальчишка был обросший, волосы висели сосульками. Накидка из какой-то мешковины, под ней — майка, драные в никуда джинсы. Босой. Он сидел по-турецки и лопал жареную утку. Рядом лежали школьная поясная сумка с торчащими из неё магазинами, алюминиевая фляжка, ментовский АКС-74У со сложенным прикладом. Горел маленький и почти бездымный костерок. Жуя кусок утятины, мальчишка вскинул голову —

и тут Генок его, как ни странно, узнал. И почти рассмеялся.

Это был Антон. Антон Басманов по прозвищу "Папик". Потому что его папик — большой чиновник в мэрии — и правда был крут, как три часа варёное яйцо, и Антон на это то и дело нажимал: "А у меня папик..." Жили они где-то недалеко от детдома, и во время вылазок в город Генок с Антоном иногда пересекались. Он вообще был невредный парень, только заносчивый, ну а детдомовских просто презирал, что тут сказать. Без злобы, но презирал. Поэтому многие старались у него не одалживаться и не угощаться за его счёт — а другие наоборот, липли. Это уж кто как.

Но вот такая встреча была не более возможна, чем учёба Папика в этом самом инкубаторе. В смысле, такого не могло быть в принципе.

Но было. Папик — в обносках, с голыми пятками, но с автоматом — сидел в лесу и ел жареную на костре утку. Как бы не соврать, но в окончательной победе русских Генок подсознательно уверился именно в этот момент.

Честно сказать, сперва Генок собирался что-нибудь такое ляпнуть, поинтересней. Но потом сообразил, что ответом вполне могут быть не слова, а самая обычная очередь из автомата. Поэтому, лёжа на животе за кустами, напряжённо раздумывал: а что же ему, собственно, говорить-то?!

* * *

Мальчишек было двое. Оба — лет по 15–16, чумазые, в маскировочных обносках и грязных, но несокрушимых берцах с двойной застёжкой, в ярко-зелёных беретах, с кое-каким снаряжением и с оружием. На поясах — штыки, у одного — АКС-74, у второго — незнакомый Саньке пулемёт с лентами. Они сидели под деревьями, отдыхали, но не переставали смотреть — каждый за спину товарищу.

Санька сидел за невесть как и когда попавшим в цинские леса гранитным валуном и поглядывал вниз через кусты, как эти двое молчат и, тоже неподвижно сидя, смотрят по сторонам. Санька подумал, что Серёня был прав, когда утром сказал: а почему мы ведём себя так, как будто никого кроме нас на свете не осталось? Может, сначала надо поискать не врага, чтобы тупо его завалить, а других таких же лесовиков?

Да, Серёня умный пацан. Он был прав. Эти двое явно не были захватчиками — ни по возрасту, ни по внешности, ни по знакомым Саньке беретам. Такие носили мальчишки из тамбовской кадетки, с погранцовской роты.

Санька чуть переместил пулемёт. Он уже привык к тяжести MG и ощущал её, как присутствие хорошего друга. Но пулемёт хорошо, а двое парней-погранцов — лучше. Особенно ещё с одним пулемётом. Тем более, что они выглядели не напуганными и не прячущимися.

— Пацаны, — сказал он громко. И изумился — оба тут же оказались — перекатами — за ближайшими деревьями, из-за которых немедленно высунулись стволы. Деловито, быстро и почти бесшумно. — Пацаны, — уже растерянно повторил Санька, — я свой.

Конечно, это звучало глупо. Но потом послышался всё-таки не выстрел, а напряжённый голос, произнёсший бессмертную фразу:

— Свой своему поневоле брат... Эй, свой, из какого фильма слова?

— "Брат-2", — вспомнил Санька. И добавил: — Ну чего, поговорим? Есть о чём!

* * *

Стёпка Пеньков и Алёшка Барутов были кадетами-погранцами из тамбовского корпуса, предпоследний курс. Во время наступления "большого П", как они определяли

всё произошедшее, по корпусу саданули "томагавком", не пожалели. Уж что там и как там было — сложно рассказать, но кое-кто из оставшихся в живых кадетов побежал не к мамочке (а таких было много — наверное, одно дело в мирное время там учиться, а другое...), а драться. Бой на восточной окраине Тамбова был коротким, но яростным и кровопролитным. Конечно, не прорваться противник не мог по определению, но обошлось

ему это дорого, хотя спонтанными защитниками никто не руководил. Мальчишки утащили с поля боя своего офицера-воспитателя, раненого в живот и голову, но он всё равно умер у них на руках. Потом видели, как полтора десятка попавших в плен раненых или контуженных защитников — ментов, каких-то гражданских, каких-то военных, двух кадетов с последнего курса — связанных побросали на дорогу и переехали танком. Туда и сюда.

Дальше был лес, скитания с выходами к населённым пунктам и дорогам и злой, отчаянной пальбой по всему, что этой пальбы заслуживало. Кадеты питались тем, что находили в лесу (тут у них шло удачней, чем у детдомовцев) или отбивали. Кстати, пулемёт Алёшки — "миними" — они тоже отбили, свой автомат Алёшка утопил в болоте недалеко от Галдыма, когда уходили от погони.

Санька слушал погранцов и кивал. Потом спросил, поглаживая плавный изгиб пулемётного приклада:

— Ну и это. Пацаны. Что дальше думаете делать?

— Побежим сдаваться, — мрачно ответил Стёпка. — Только носки "кометом" постираем и полосок себе на жопах нарежем, чтоб было издаля-а видать: свои, пиндосы.

Алёшка нехорошо засмеялся и тоже спросил:

— Ну а ты, человек мира? Ты чего делать думаешь?

— Да я не думаю, я делаю, — сказал Санька. Он решился. — Со мной пойдёте?

— А пошли ты с нами, — удивился Стёпка. — Не один хрен?

— Не один, — покачал головой Санька. — У нас это. Типа базы есть.

* * *

Я шёл и размышлял, почему мы ведём себя так, как будто тут никого, кроме нас нет?

Я уже спрашивал ребят об этом и искренне надеялся, что мы найдём в лесах других таких же, как мы. Может, найдём нашего физрука со старшими ребятами?

Ходить по лесу мне за последнее время понравилось. Чувствуешь себя неожиданно спокойно и нервы не мотаются. Вообще по-моему когда кругом зелень — это самая правильная жизнь. Я и в приюте мог подолгу смотреть на обгрызенные тополя напротив, хотя они стараниями коммунальных служб на деревья мало походили. И даже оставшаяся за плечами одинокая ночёвка в лесу оказалась вовсе не страшной. Я усиленно начал бояться ещё когда только-только устроился на ночлег... и вдруг понял, что в лесу не страшно, а красиво и загадочно. Уснул без страха — и проснулся в мире, который был полон косыми лучами утреннего солнца и миллионами сверкающих капелек росы.

Правда, я сильно промок. Но дело шло к полудню, и просохнуть я успел тоже.

А ещё я успел выйти на полузаросшую тропинку. По ней уже сто лет никто не то что не ездил, но, похоже, и не ходил, однако я насторожился, замедлил шаг и шёл, прислушиваясь. И был вознаграждён.

Впереди стреляли...

...Тропинка выходила к кустам, по краю цепочкой огибавшим большущую луговину. Чуть в стороне оказалась настоящая просёлочная дорога. Вот такие декорации. И на их фоне разыгрывался нехилый спектакль.

Происходившее на луговине было интересным и весёлым. Во-первых, у края луговины стояли три "хаммера". Один скучно горел. Рядом лежали два трупа. Вернее — один лежал, второй свисал из верхнего люка. Ещё два трупа лежали на дороге, ещё пять виднелись на лугу. С десятков живых шустро ползали по лугу в разных направлениях.

Выглядело это какой-то идиотской игрой, тем более, что по ним никто вроде бы...

Трх! Я не понял, откуда донёсся звук, но один из ползунков ткнулся лицом в землю. Остальные открыли беспорядочную пальбу в разные стороны, и я увидел, как вскинулся и осел под шумок ещё один. Потом — тоже непонятно откуда, вроде бы отовсюду — донёсся мужской голос:

— Пиндосы, а пиндосы! Бросай оружие, а то всех перещёлкаем!

Пальба в разные стороны. Як в кино. Но в жизни, похоже, удача отвернулась от воинов

демократии. Ещё один — это я видел точно — получил пулю в висок, другой — в затылок вроде бы.

— И их осталось восемь. — пробормотал я, теперь точно подсчитав уцелевших. Картина мне нравилась. Только я не мог понять, кто же так здорово постреливает и сколько их, этих стрелков? А голос опять раздался:

— Пиндосы, ну хватит в камбойцев играть, тут вам не Дикий Запад, а Русь-матушка, тут всё всерьёз, хоть и в шутку!

Пальба... Ещё один готов. Оставшиеся семеро залегли плотно. Потом один пополз к "хаммерам", ага, решил добраться до рации. Я прицелился, собираясь тоже повеселиться, но тут как раз опять хрякнул выстрел, и янки осталось шестеро.

— Энд шо маст го о-о-о-он! — веселился невидимка. — Бросай оружие, вам говорю, вставай с поднятыми руками! Это... дроп ё ганз, стенд ап, хэндз ап энд го ту зе род! Квикля!

Выстрелов в ответ не было. Прошло ещё с полминуты — и вдруг кто-то что-то истошно заорал — и в сторону полетела первая винтовка...

...Из кустов на склоне холма появился тощий, длинный, как жердь мужик лет сорока, в сапогах, болтающихся, как вёдра, на его журавлиных ногах, и в камуфляже, сидящем, как вторая кожа. Он шёл к стоящим на дороге американцам чуть ли не танцующей походкой, держа на локте "тигр". Шёл неспешно, по-хозяйски и, когда один из американцев, увидев, что к ним движется одиночка, дёрнулся было за пистолетом на бедре — на ходу небрежно выстрелил. Вопль боли — пуля раздробила янки кисть — и слова мужика:

— Э, пиндос. Не надо. Ну вот, я ж предупреждал...

Подойдя, он по-хозяйски оглядел пленных — в том числе сидящего на земле раненого — и сокрушённо покачал головой:

— Ой, много вас... Никитос, давай сюда!

— Иду, па! — из кустов за дорогой появился мальчишка лет 12, такой же тощий и камуфлированный, но в кроссовках, и со складной мелкокалиберной "сайгой" в руках. Лицо мальчишки было азартным. Он оседлал передний "хаммер" и ловко взял янки на прицел. Деловито заявил: — Каску одну надо взять, Мишке ночной горшок нужен. И соль мамка просила. А этих чё, валим?

— Не по-христиански получается, сынок, безоружных убивать, — строго сказал мужик. — Они, может, ещё исправятся... Ну-ка, гости дорогие, — он повысил голос, — давай, раздевайся! Как это там по-вашему...

...За последнее время я видел мало смешного. Но сцена, свидетелем которой я стал, заставила меня надуть щёки и выпучить глаза.

Шестеро здоровых мужиков стояли на дороге голышом, в одних ботинках, которые мужик щедро позволил оставить, "чтоб ноги не покалечили". Раненого он прямо-таки приказал перевязать. Потом перекрестился, вздохнул печально и сказал мальчишке:

— Ну, Никит, приступай с богом к святому делу. Если им ума через голову в школе не вложили — будем, так сказать...

...Он их выпорол.

Вы можете смеяться, можете плакать, но это так и было. Наломав солидное число прутьев от американского (!) клёна, мальчишка, повесив "сайгу" за плечо, все эти прутья...

Ой-ой-ой... Я ещё до-о-олго смотрел вслед этой дикой колонне, тащащейся по просёлку куда-то в сторону Тамбова. Так долго и с таким даже некоторым сочувствием, что едва не упустил эту весёлую парочку — благо, оба деловито собирали трофеи, перекликаясь, как после удачной охоты.

Я был в тихом восторге. И понял, что это — именно то, что нам надо...

...Мужика звали Михаил Тимофеевич, был он тут лесником и что не поделил с пришельцами — не объяснял, но так или иначе жил вот уже месяц в землянке вместе со своим старшим сыном Никитой, младшим Мишкой и женой Еленой Ивановной. Примерно месяц назад открыл он и охотничий сезон — и пока самым жирным трофеем был сбитый из винтовки беспилотник. Как пояснил Михаил Тимофеевич, "надоел, паскудник, жужжит и

жужжит, спать не даёт".

Предложение перебраться к нам лесник встретил благосклонно. Вообще мне показалось, он ко всему происходящему, как это ни странно, относился с каким-то юморком. И старший сынок был явно такой же. По-моему, они оба смотрели на уничтожение пришельцев, как на истребление каких-то чрезмерно расплодившихся мелких хищников типа хорьков — ну надо числом убавить, вот и бьём, а так, может, они в природе даже и где-то полезные, тоже божьи твари; вот кур у нас душить перестанут — тут мы сразу бить прекратим, не звери, чай... Когда я — пока собирались — спросил его насчёт войны, то Михаил Тимофеевич обрисовал ситуацию коротко и ясно:

— И не такое пережили.

С собой мы тащили на двух тачках два "миними", 5 M16 — три обычные и две короткие, с раздвижными прикладами — две "беретты", кучу боеприпасов и гранат и ещё разной мелочи. Ещё одну "беретту" я наконец-то взял себе.

Впереди нашего каравана бежали псы лесника — кавказцы Кудряш и Серый.

* * *

Ми-8 Тёмыч нашёл в первый же вечер.

Развороченный большой вертолёт — точнее даже его обугленный остов — лежал прямо в лесу, сломав деревья потоньше и нанизавшись частями на более толстые. Подальше, около двух дубов, Тёмыч обнаружил три могилы. Просто холмики, уже зазеленевшие, с тонкими крестами из скрученных проволокой веток. На крестах висели шлемы. Между холмиками лежал кусок дюраля с выцарапанными именами-фамилиями, званиями и датами.

Тёмыч постоял около могил. Ему не было так уж грустно, он не знал этих людей, хотя и понимал, что это были наши военные. Потом мальчишка обыскал остатки вертолёта и ничего толком не нашёл. Пустые летели, что ли? Или должны были кого-то или что-то забрать? Размышляя об этом, он вернулся к могилам... и понял: а ведь кто-то же их похоронил, этих трёх человек! И этот кто-то остался жив, и этот кто-то — явно не враг, уж больно по-нашему сделаны могилы...

Найти бы этого человека... Тёмыч вдруг подумал, как им всем не хватает взрослого. Хоть одного, чтобы... Что "чтобы" — Тёмыч не мог придумать, но снова и снова думал: не хватает. Правда, вертолёт сбили давно. Наверное, ещё в самом начале. И где этот оставшийся в живых — кто его знает...

Мальчишка заночевал около разбитого Ми. Уснул не сразу, долго размышлял, куда идти утром...

...Утром проблема решилась сама собой. Тёмыча разбудило урчание мотора — мощное и тягучее. Ещё толком не продрав глаза, он слинял в кусты поглубже и начал вслушиваться. Потом — то и дело останавливаясь и осматриваясь — пошёл на звук, который то обрывался, то снова возникал.

Буквально через пару минут мальчишка выбрался к просёлку.

Приземистая черепаха танка — серо-зелёная — стояла посреди просёлка, то и дело взрыкивая движком и выплёвывая облака гари. Рядом стояли широкий джип и какая-то фигняция вроде экскаватора. Человек десять-двенадцать копошились тут и там, стояли вдоль обочин, рассматривая лес по обе стороны дороги. Тёмыч понял, что они собираются то ли чинить, то ли тащить танк. Заглох, что ли?

Это были настоящие американцы. До Тёмыча это дошло с опозданием, и он удивлённо всмотрелся. Точно американцы! Все!

— Блин, — прошептал Тёмыч, еле шевеля губами и не веря своим глазам. Потом даже перестал дышать — голова одного из стоявших на обочине солдат повернулась точно в его сторону. Большие чёрные очки отразили блик солнца, и в животе у мальчишки сжалось. Какой-то подсознательный парализующий страх растёкся по телу. Он не ощущал такого ни с теми латиноамериканцами, ни с неграми на дороге... Как будто его приморозили к земле. Он не мог отвести глаз. Не мог пошевелиться. Не мог даже думать. Наверное, так ощущает себя

кролик, на которого посмотрел удав.

Американец неотрывно смотрел в его сторону. Большая рука в беспалой перчатке скользнула по винтовке, и оружие начало приподниматься. Так, словно его держал в руках робот из фильма — медленно и уверенно...

...Откуда это пришло и кого он звал? Тёмыч не знал. Но его губы пошевелились, выдыхая (травинки возле рта мальчишки качнулись еле-еле...):

— Помоги... защити... помоги... отведи...

Чёрный блик исчез. Голова отвернулась. Опустился ствол винтовки.

Тёмыч снова принадлежал себе. И с трудом перевёл дыхание... а потом ощутил злость. Растущую злость за свой беспомощный страх. Такую злость, что в ней сгорала даже обычная осторожность.

— Ах ты сука, — сказал Тёмыч негромко. И устроил ствол АКМ на толстом корне. — Ах ты ж сука... Ну я ж тебе...

Он выложил рядом две гранаты — с ледяным злым спокойствием. Разогнул усики чек. Потихоньку — чтоб не щёлкнуть — перетянул флажок предохранителя автомата на "АВ".

Он видел, что этих — не меньше дюжины. Танк, джип, этот грёбанный экскаватор... И где-то в уголке мозга понимал, что этот бой не выиграет.

А насрать.

Вытянув зубами обе щеки, он сплюнул. И метнул обе гранаты по дуге — одну и вторую. И схватился за автомат.

Одна граната звонко разорвалась на броне танка. Вторая хлопнула за спинами стоящих вдоль дороги солдат. А Тёмыч уже стрелял, стараясь отсекай очереди по три-четыре патрона. Он увидел, как упал тот, смотревший в его сторону — прошитый пулями "калаша" — и засмеялся сквозь зубы. Но в его сторону уже разворачивались пулемёты, журчала башня танка, стрекотали неслышно в пулемётном рокоте винтовки залёгших солдат. Со щелчками полетела щепка.

На миг Тёмыч подумал — кувырок назад, ползком, бегом... но что-то толкнуло его, и он прохрипел:

— Не погоните... не побегу, моя земля! — и продолжал стрелять, не успевая и понимая, что его уже окружают перебежками, видя это, тыча ствол туда и сюда... Сменил магазин, не глядя, рванул затвор. На него упал толстый сук, срубленный очередью "браунинга", больно ударил по спине — даже дыхание перехватило.

Всё?..

... - Крррррой, мужики!!!

Бум, бум, бум! По броне машин начало растекаться тёмное пламя. Потом — пыхнуло из люка танка. Упал на колени, ткнулся лбом в броню выскочивший из носового люка танкист, его комбинезон горел. Джип рванулся вперёд, пулемёт и гранатомёт в его кузове развернулись в руках солдат... но почти тут же его подбросило, опрокинуло. Двое стреляют с колена... и падают, они падают — у одного алое крошево полетело от головы,

прямо через шлем... второй закрутился на земле и вытянулся... и вот уже бежит прочь последний... и один выстрел — громкий и резкий — ставит точку в слепом бессмысленном беге.

Тихо. Только трещит пламя на дороге.

— Эй! — оклик из леса. По-русски, почти добродушный... — Кто там палит-то?

— Я, — говорит Тёмыч и закрывает глаза, не понимая, что происходит.

* * *

Светка готовила обед, когда снаружи вихрем ворвались мелкие, игравшие во дворе, наперебой крича:

— Возвращаются!

— Наши идут!

— В лесу!

— Скорей иди смотреть!

Девчонки посыпали наружу. И застыли у обваленного плетня, недоумённо глядя на то, как Санька — с пулемётом на плече и улыбкой на лице — шагает через заброшенный огород.

А за Санькой из леса выходили люди. Не только мальчишки. Нет — их было много, вооружённые и разно одетых.

Их было много.

Светка почувствовала, как перехватило горло. И — разревелась от неожиданного и почти болезненного ощущения счастья.

3. ВОЛЧЬЯ ПЕСНЯ

Небольшой костерок горел в углублении, скрытый со всех сторон плетёными стенками и высоким навесом из тех же веток. Вокруг костра на небольшой поляне чёрными тенями высились вигвамы, крытые берёзовой корой, призрачно белевшей в ночной тьме. Слышались обычные звуки спящих людей — шорох, хныканье, бормотанье... Жилища древних индейцев не казались такими уж неуместными в прицинском лесу; скорей уж неуместными выглядели люди, сидевшие у огня — в молчании, зажав между колен американские винтовки.

На всех троих мужчинах была полевая форма армии США с ещё неспоротыми нашивками лёгкой пехоты.

Огромный сержант с лицом неандертальца и такими бицепсами, что они распирали изнутри свободные рукава камуфляжной куртки, помешивал палкой угли с краю костра. Его украшенное шрамом лицо было неожиданно задумчивым, он явно ушёл куда-то в свои мысли.

Рослый парень — скорей даже мальчишка — с румяным открытым лицом методично набивал длинненькими острыми патрончиками ребристый скошенный магазин к винтовке.

Сухощавый остролицый майор — коротко подстриженные волосы серебрились сединой — строгал ножом деревяшку, в которой уже можно было узнать простенькую дудочку. К офицеру приткнулся мальчишка лет 8–9 — из-под заботливо наброшенной на него куртки виднелись только светлые вихры, курносый нос и сонный глаз.

— Как приклеился к вам, сэр, — сказал, поднимая взгляд от огня, сержант. Его жутковатое лицо прорезалось вдруг добродушной улыбкой. — Ещё там.

— Да, — майор дунул в палочку, постучал ею о колено. Снова дунул и спросил: — Не жалеете, сержант, что связались со мной?

— Это обидно слышать, сэр, — буркнул сержант. — Я в своё время сидел в малолетке, но там хотя бы была уверенность, что я выйду. А уверенность в чём была у этих детишек? Нет, — неожиданно горячо добавил гигант, — если наша власть разрешает такое — значит, это у нас дома не порядок и нам нужно не в чужие земли лезть, а за плечо оглянуться. Не Дьявол ли там стоит да посмеивается... — сержант перекрестился.

— Хороший вы человек, сержант Гриерсон, — сказал майор.

— Да ну, — неловко усмехнулся гигант. — Это ведь вы всё провернули, а я что — лбом стены прошибать... Я как в этот Ка назначение получил... — сержант помрачнел. — Такого ни один бродяга, ни один уголовник себе не позволит. А эти, в костюмчиках... — сержант смачно плюнул в огонь. — Пооткручивать бы им головы и сесть вот так, с русскими ребятами, к огоньку — неужели не договорились бы?

— Открутим, дай срок, — спокойно сказал майор и поправил на мальчишке куртку. С акцентом спросил ласково: — Льюша, ти что?

— Ничего, — тихонько ответил по-английски мальчишка и притиснулся ближе. Майор погладил его волосы, сказал тоже на родном языке:

— Спи, спи... Ну а ты? — офицер посмотрел на молодого парня. — Ты-то что, рядовой? Зачем с нами связался? А, Райан?

— Я не знаю, — сердито сказал Райан. И пнул в огонь ветку, на растопыренных концах которой расцвело пламя. — Я пошёл в армию, чтобы сражаться против фашистов. Все твердили — русские фашисты, русские убийцы. Я подумал — мой прадед сражался и я должен. К чёрту, мы убьём их всех и они больше никого не тронут! Вот так я думал... Но тут нет фашистов! — в голосе солдата прозвучала настоящая мука. — Тут есть люди, которым мы не даём жить! И я не хочу! И не буду! И пусть к чертям присяга! Я не присягал служить людоедам-мясникам!

Майор Халлорхан кивнул. И подумал о своей семье...

2.

... - Но что нам делать — непонятно, — майор поморщился, прогоняя эти расслаблявшие мысли. — Они все, — он посмотрел в темноту, наполненную сонными звуками, — голодные, от охоты сами видите — прибыхли чуть, а на подножном корму если и можно протянуть, то только ноги.

— Надо искать русских партизан, — сказал сержант. — Иначе пропадём, и всё будет без смысла.

— Я могу пойти, — предложил Райан. Сержант отмахнулся:

— Или просто никого не найдёшь — или мы тебя никогда больше не увидим. С одиночкой в этой форме церемониться не станут, а в лучшем случае — не расскажут ничего.

— Но мы не можем сидеть тут вечно, сэр, — заметил сержант. — Как бы то ни было, но дети хотят есть, да и мы не слишком сыты.

Кроме того, подумал Халлорхан, глядя в огонь, ты молчишь ещё об одном, о чём очень хочешь сказать: что нам делать вообще? Что делать, если русские проиграют? И не можешь не думать: не противоестественно ли это — желать поражения своей стране?

Или, наверное, нет. Вряд ли ты спрашиваешь себя об этом, сержант, это отвлеченный вопрос, а ты не любишь и не понимаешь "жидовских умствований". Это уже твой вопрос, майор Эд Халлорхан. Это тебя мучает эта мысль. Сто лет назад к твоей семье пришли бы и сказали, что ваш муж и отец — изменник и предатель. Сейчас не придут и не скажут, сейчас это замаскируют словами о том, что ты пропал без вести. Пожалуй, это легче будет перенести и жене, и сыну... а дочка пока ещё ничего и не понимает толком. Но ты-то — ты-то жив, ты сидишь в русском лесу у ночного костра и думаешь, думаешь, думаешь... о том, кто ты — предатель или спаситель? И как это можно сопоставить? Не предать — и смотреть, как детей, так похожих на твоих собственных, увозят на гибель? Потакать тому, против чего как раз и восставала душа офицера? Или спасти этих детей, у которых такие же наивные и испуганные глаза, как у любых детей на свете — и стать предателем? Всё просто у сержанта Гриерсона. Он простой человек, он со своих уличных университетов усвоил, что подлю поднимать руку на младшего. Просто у Райана — он молодой и не умеет различать оттенков и полутеней, в которых прячется это слово: ПРЕДАТЕЛЬ. Ты не боишься вернуться домой и увидеть, как твой сын — твой Джесс, у которого упрямые губы и складочка между светлых бровей — встретит тебя на крыльце с подаренным тобой же ружьём, которым он так гордился — своей собственной 410-кой? Ведь это ты его учил, майор Халлорхан, что страшнее предательства лишь богохульство!

Что тогда? Как передать пятнадцатилетнему мальчику ощущения почти сорокалетнего мужчины, который увидел, как грузят в самолёт с дорогим, родным флагом на киле детишек, утешая и заманивая их ласковыми словами на ломаном русском — чтобы не шумели и не разбегались? Знать — зачем их грузят. Стоять — с оружием и этим страшным знанием — совсем рядом. И не защитить. И мучиться этими мыслями даже сейчас, когда вроде бы всё сделал правильно — что тогда не спас.

Может быть, если бы Джесс сел сейчас с другого бока — как они много раз сидели в походах по лесам — если бы он сел и увидел, как спит русский Лёша... может быть, он бы понял, что отец не обманывал его. И что — вот парадокс! — нет никакого предательства в том, что сделал майор Халлорхан, когда увёл в лес этих детей. Джесси, подумал майор. И

усмехнулся — как закипал мальчишка: "Па, не смей, это чёртово девчачье имя!!!" Джесси, мальчик мой. Ты тоже был такой же маленький и смешно сопел под моим боком... И я не верю, что среди русских солдат нашлись бы те, кто вырвал бы тебя из рук матери, чтобы увезти прочь, на смерть, на беспамятство... Я видел их. Я их убивал. И я не верю, господь свидетель — не верю!!!

А раз так — я не имею права. Не имел права. И сделал всё, как надо. Есть вещи выше верности президентам и правительствам. Простые вещи. Совсем простые. Такие простые, что о них легко забывают. Например — что все дети смеются и плачут одинаково на этом

3.

засранном свете. Даже странно, что они вообще смеются. Они и в лагере смеялись, а он — он не мог слышать их смех.

Мальчик мой, пойми меня. Только пойми, что я изменил не Родине, не вере, не долгу, нет... Только бы увидеться ещё раз. Я бы всё объяснил. Ты бы всё понял...

...Эдвард Халлорхан не знал и ещё долго не узнает, что именно в этот самый день его старший сын, пятнадцатилетний Джесс, был убит на школьном дворе. Мальчишка заступился за одноклассницу перед двумя негритосами. Не справившись с Джессом в драке, оба достали пистолеты и выпустили в мальчишку больше тридцати пуль...

Похороны мальчика превратились в манифестацию, на которой впервые появились открыто флаги Старого Юга. Гроб Джесса Халлорхана сопровождали десятки вооружённых гражданских гвардейцев. Уже вечером начались погромы в клоаках черных кварталов. Брошенные по приказу губернатора на подавление части Национальной Гвардии почти поголовно перешли на сторону восставших жителей Батон-Руж.

И никто ещё не знал, что уже на следующий день губернатор будет убит в собственном кабинете офицером Гвардии — и вскоре пламя войны охватит пять штатов Юга...

... - Дядя Эдди, — услышал майор шепоток сбоку. Наклонился — глаза Лёши поблескивали из-под куртки. — Дядя Эдди... Я, — мальчик выговаривал английские слова. — Я. Идти. Я искать. Партизаны. Знать это слово. Искать. Да? — умоляюще закончил он.

Из рапортички в штаб оккупационной зоны "Центр"

По данным агентурной разведки в настоящее время в Цнинском Языке в настоящее время против нас активно действуют 5–9 бандитских отрядов общей численностью 200–300 человек. Минимум 2 из них имеют постоянную связь с русско-фашистским руководством в Сибири. Известные названия отрядов: "Царские волки", "батька Антонов", "Волчья сотня", "Серая стая", "Волчата Антонова" (по заключению специалистов частая "волчья" терминология связана с древней культовой самоидентификацией русских-тамбовчан как "тамбовских волков"; то же можно сказать о фамилии Антонова, который является, вопреки бытующему в наших штабах мнению, не ныне действующим эмиссаром русских фашистов из Сибири, а неким вождём антибольшевистского движения на Тамбовщине в 20-х годах XX века. Частное примечание: просим прекратить требования поимки этого "эмиссара", данный штабной бред мешает работе!!!).

Уровень поддержки бандитов со стороны местного населения неясен. Видимо, у противника имеется достаточно хорошая сеть информаторов, в том числе непосредственно на наших базах. Прошу отметить, что действия многих солдат и офицеров контингента (насилие, грабежи, издевательства, открытое пренебрежение привычными для русских нормами поведения) объективно отталкивают от нас жителей. Большинство из них бандитам не помогают, но и от какого-либо сотрудничества с нами уклоняются.

Отряды базируются непосредственно на лесной массив. Параметры их активности за последние 7 дней:

— засады на конвои — 11

— разноплановые диверсии с применением СВУ — 6

— огневые налёты на базы и гарнизоны — 5

- распространение листовок — 4
- отравления пищи и воды — 2
- поджоги — 1

Терактов с применением смертников — женщин и детей — не наблюдается, что, видимо, связано с особенностями русского менталитета.

Наши боевые потери за это время:

- живая сила: 47 убитых, 82 раненых, 9 пропавших без вести;

4.

- 5 единиц броне- и 24 единицы автотехники;
- транспортный самолёт С-130 с грузом боеприпасов и сборных модулей (венгерский контингент);

- вертолёт "иrokeз" (нигерийский контингент с английским экипажем контрактников);
- 2 вертолётa ОН-6 (контингент США).

Достоверные потери противника:

- убитые — 22 (19)
- пленные — 6 (5)

Обозначенные в скобках цифры — число потерь противника, которые он понёс во время удачной ликвидации одного из бандитских отрядов 30 июня 20... года в районе с. Виникляй.

В данный момент отряды Цнинского Языка приковывают к себе войска ООН общей численностью до 20 тыс. человек + около 800 служащих местной милиции особого назначения.

Ведение агентурной разведки затруднено тем, что в сельской местности русские практически поголовно знают друг друга в лицо и по привычкам, а так же на чисто инстинктивном уровне контролируют происходящее у соседей, друзей и т. д. Слухи о наших действиях распространяются мгновенно и так или иначе доходят и до бандитов даже без их целенаправленных усилий. За тот же период пропало без вести 5 завербованных агентов, найдено мёртвыми — 3.

Ведение авиационной разведки практически невозможно из-за больших площадей леса, на которых трудно отличить обычную деревню, расположенную в лесной местности (24 единицы в Цнинском Языке), от партизанской базы. Выработка ресурса БПЛА достигает к настоящему времени 47 %. 11 % аппаратов непригодны к дальнейшему использованию. 3 единицы потеряно из-за аварий, 2 — из-за внезапно открывавшегося с земли огня.

Лесной массив крайне тяжёлый: болота, множество ручьёв и рек, буреломы. Большинство полевых войск контингента к ведению грамотных облав непригодны. Отмечались случаи открытого недовольства и отказов участвовать в облавах, особенно со стороны военнослужащих контингентов "стран третьего мира".

Предпринятая 1 августа 20... года бомбёжка по площадям в районе дер. Тулиновка привела к гибели 11 мирных жителей. Указанная конкретная цель оказалась ложной (несколько старых корпусов автомобилей, снабжённых излучателями волн КВ-диапазона, были идентифицированы как работа бандитских радиостанций).

При сохранении нынешней обстановки дальнейшее расширение бандитского движения в Цнинском Языке — лишь вопрос времени.

* * *

Мост через Цну был длинным, почти двести метров. Поэтому мальчишки спешили изо всех сил, пытая и вскрикивая от боли, но не сбавляя темпа. Для них этот забег был уже не первым, они остались вдвоём и сейчас решалось, кому достанется приз — две банки консервов, плитка шоколада и пачка "Pall Mall". С десятков "отсевшихся" переминались с ноги на ногу в стороне в нелепой надежде — может, и им что-то достанется. Почти у всех были разодраны на коленках штаны и в кровь разбиты ладони. Но за двумя пацанами, на

четвереньках упрямо ползущими по бетонному настилу, форменным образом оставался кровавый след — их колени были стёрты до кости.

За происходящим наблюдала почти вся охрана моста — даже часовые за пулемётом в капонирах из мешков, над которыми слабо плескались ООНовский и нигерийский флаги, свистели, били в ладоши и гортанно подбадривали финалистов забега. Такая забава продолжалась у моста уже с неделю, но не приедалась солдатам.

5.

Таким же естественным, как белые мальчишки, забавляющие негров, было появление стада. Его гоняли уже дней десять с одного берега на другой, с лесов на луга. Ритуал всегда был одинаковым, и он повторился сейчас: пока двое мальчишек — постарше и помладше — мельтеша туда-сюда, матерясь и щёлкая кнутами, загоняли три десятка коров на мост, их старший — худой мужик, похожий на цаплю — подойдя к низенькому кривоногому сержанту, командовавшему постом, протянул ему бумажный свёрток.

— Замогон? — осведомился негр, шевеля ноздрями расплуснутого носа.

— Первач, — буркнул мужик.

— Горожо, — сержант осклабился и закурил. Протянул пачку мужику, но тот, мотнув головой, тоже с матом пошёл на середину моста, где началась какая-то заминка и кутерьма, мычащие коровы столпились в кучу, которую тщетно пытались "разрулить" подпаски. Прошло не меньше трёх минут (негры хохотали, радуясь новому развлечению), прежде чем стадо двинулось дальше.

— Эй, эй! — крикнул сержант мальчишкам, переживавшим сбоку. — Бегом-бегом, а?!

Один из них послушно опустил на четвереньки. Но второй вдруг махнул рукой и зашагал, хромя, через мост.

— Лёш, а консервы?! — изумлённо окликнул его соперник.

— Забери себе, — зло отрезал мальчишка. Мазнул рукой по лицу, всхлипнул и побежал...

...Мост взорвался, проломившись и просев посередине, через сорок минут, когда по нему проезжала колонна джипов с венгерскими пехотинцами и два штатовских танка.

* * *

— Вот примерно так, — Михаил Тимофеевич закурил трубку, когда отдалённо покатило по реке эхо взрыва двухсот килограммов трофейного пластита. Мы — Генок с Симкой (игравшие "подпасков"), бывший капитан-вертолётчик Логинов, Лёшка Барутов и я (мы прятались в центре стада с навьюченной на нескольких коров взрывчаткой и закладывали её) — обменялись довольными взглядами. Симка опасливо спросил:

— А этим, местным, им ничего не будет?

— А никто ничего и не поймёт, — усмехнулся Михаил Тимофеевич. И, не меняя тона, добавил: — Чего ты там стоишь, выходи.

Мы все только что не подскочили и расхватили оружие. Но лесник с удовольствием затаился, даже не потянувшись за "тигром". А из кустов, опустив голову, вышел пацан моих лет. В серой рубашке и лёгкой курточке, в кедах. Джинсы на коленях превратились в мокрые лохмотья, кожа торчала чёрной коркой.

— Ого, — хмыкнул Лёшка, играя американским "кей-баром". — Птенчик. Сам пришёл. Ну иди сюда, резать буду.

— А я тебя видел, — спокойно сказал я, перекидывая на грудь автомат. — Ты по мосту раком полз.

На самом деле мне хотелось ударить эту тварь прикладом. Не знаю, как я там, на мосту, удержался, не начал лупить в этих... холуёв из "беретты". Хорошо, что не было с собой автомата...

— Полз, — глухо сказал мальчишка, не поднимая глаз. Плечи его дрожали, как будто он только что сбросил неподъёмный груз. И вдруг встал на колени: — Хотите — за вами

поползу? Только простите... возьмите к себе, не гоните. Я не могу там больше, ну не могу... Я за жратву ползал, а сейчас не могу больше...

— Родители где? — спросил Михаил Тимофеевич. Хотя у нас уже хватало взрослых и были два офицера, лесник как-то незаметно и естественно стал командиром. Мальчишка мотнул головой:

— Тут... Мама. И сестра младшая. Мы из Тамбова... Я из-за них...

— А теперь что — наплевать?

— Нет, но я больше ползать не могу... — мальчишка встал с колен и посмотрел на нас прямо. — Если не возьмёте, я сам буду... один... Я знал, что вы есть, только я думал... а

6.

потом я вас увидел... там, где коровы... и не выдал...

— Да поклон тебе до самой земли, — враждебно сказал Барутов. Нож в пальцах кадета вращался, как страшная мельница. — На руках тебя носить, что ли?

— Лёха, заткнись, — попросил лесник. Я заметил, что и Логинов смотрит на мальчишку с сочувствием. — Как зовут?

— Лёшка... — ответил тот. Барутов гневно хмыкнул.

— Вот что, Лёш, — Михаил Тимофеевич опять затаился. — Что та за нами идёшь — я видел. Только взять мы тебя не можем. А нужно нам вот что... Сейчас ты пойдёшь обратно. И посмотришь, что там, у моста. И подсчитаешь. Понял? Потом напишешь всё это на бумажке. И... — лесник указал на дубок, возле которого сам стоял. — И вот под корни эту бумажку сунешь. Сегодня вечером. Сможешь? — мальчишка медленно кивнул, в его глазах загорелся какой-то неясный огонёк. — Во-от... А потом действуй в том же духе. У вас село хорошее, важное село. Мост они восстанавливать буду. Туда-сюда... И ты туда-сюда... Надо будет — и на коленках... А вот скажи — этим, которые с тобой, нравится так бегать, что ли?

— Да кому это понравится? — спросил мальчишка горько. Но огонёк в глазах не потух, лишь сменился злой искрой. — Жрать охота... а у местных у самих ничего нет почти. Мы все беженцы...

— Ну во-от... — Михаил Тимофеевич кивнул. — Вот и поговори с ребятами. Только осторожней... Две ноги и два глаза хорошо, а больше — лучше.

— Я понял, — мальчишка кивнул. — Вы понимаете, все же думают, что... всё кончилось, что... а ведь не всё, нет? — он заглянул в глаза нашему командиру.

— Да, нет, не всё пока... — лесник остановился и улыбнулся. — А за нами не ходи, зачем. Вот записку твою посмотрим, а свою оставим. И ты послезавтра днём заходи сюда...

* * *

— А ничего у вас едят, у нас похуже. Карточки. Как в ту войну.

Михаил Тимофеевич придвинул офицеру сковороду с утиной яичницей. Тот смущённо огляделся.

Собственно, было отчего. В комнату набились все обитатели нашей "партизанской деревни" — почти сорок человек. И все смотрели в рот одному. Правда, наше любопытство несколько искупало то, что этот "один" был подполковником РНВ и "пришёл" из-за Урала. Проще говоря — был как бы символом того, что мы тут не самостоятельностью занимаемся, а делаем часть общего дела.

Если честно, я именно так и ощущал происходящее. Значит, где-то была ещё наша власть — именно наша, а не та, что до войны. И — не знаю, врал нам для успокоения молодой подполковник, или правду говорил — дела обстояли у нас не так уж плохо. С едой, кстати, тоже было нормально. Оказывается, охотиться нужно просто уметь.

— Значит, заночуете и дальше? — наш командир оглядел всех присутствующих. Офицер кивнул:

— Да, к остальным.

— Старший мой проводит, — Михаил Тимофеевич поманил рукой: — Никитка, понял?

— Понял, — кивнул тот.

— Связи с другими у нас нет, ну да найдёте... — продолжал бывший лесник.

— Не только найти надо, но и встречу организовать, — подполковник вздохнул. — У нас связь с четырьмя отрядами, ваш вот пятым будет. А всего их тут не меньше десятка, и все работают, как бог на душу положит...

— Ну не так уж плохо работаем, — подал кто-то голос.

— Не так уж, — согласился подполковник. — Но лучше — вместе. Вот например у вас кто знает, что из Подмоскovie мелкими группами идёт целая наша бригада? Никто. Они придут, а вы их, чего доброго, в пулемёты... Как меня с ходу.

Вокруг посмеялись. Вовка, сидевший у моих ног, поднял голову и шёпотом спросил:

7.

— Серый, а это наш, да?

— Наш, наш, — я потрепал его по волосам. Вовка приткнулся к моему колену и во все глаза продолжал смотреть на подполковника.

— Может, ещё кого возьмёте? — предложил Михаил Тимофеевич. Офицер покачал головой:

— Нет... Ведь ваш сын лес хорошо знает? Ну и всё.

— Товарищ подполковник, — подал голос капитан Логинов, — нас тут двое вертолётчиков. Мы не отказываемся... вы не подумайте... но мы же летуны. Может, как-то можно нам... туда, где есть на чём летать?

— Скоро и здесь будет, — ответил подполковник. — Не волнуйтесь. Это точно...

...Разошлись уже полночь, и сильно. Я вышел проветриться; около сарая под навесом Светка разбирала трофейные консервы, Санька сидел рядом и помогал. Они о чём-то тихо разговаривали, по временам касаясь — мимолётно так, красиво и естественно — рук друг друга, и я пошёл подальше, к речке, над которой ползал туман. Постоял, глядя на воду. Настроение было пустенькое, даже спать не хотелось. А хотелось, чтобы завтра можно было купить мороженое.

Вот чтобы можно было пойти и купить его.

* * *

Телега подъехала к КПП на окраине села рано утром, часов в шесть, оповестив о своём приближении таким разноголосым дребезжанием, что пятеро солдат-нигерийцев и даже командовавший ими американский сержант-негр (на своих братьев по цвету кожи смотревший хуже чем на помоечных крыс) завозились, готовясь к отражению атаки бронетехники противника. Только сельский участковый, не просыхавший и не менявшийся со времён Брежнева, отнёсся к жутким звукам равнодушно. И оказался прав. Из-за перепутанных туманными нитями кустов выплыла самая обычная телега, запряжённая унылым монстром цвета старого помёта. На облучке сидел тощий дед с длинными усами, в "кузове" по обе стороны от копны сена устроились двое мужиков, два пацана по 13–14 лет и девочка лет 8–9. Дед был из соседнего села, участковый его знал.

Сооружение остановилось. Дед стал искать карточку-пропуск. Один из негров, подойдя к телеге, сказал девочке, кладя руку на её колено:

— Девтка, хочиеш конфэту?

— Ага, — хихикнула та, прыгивая с телеги. На шею повернувшегося за ней негру, один из мужиков со скучным лицом накинул удавку. Нигериец заколотил ногами. Второй мужик бросил в КПП одну за другой две РГД.

— Гыть! — сказал дед, выщёлкивая из рукава в переносицу сержанту-американцу гирьку на ремне. Мальчишка, сидевший ближе к передку, так отоварил ногой в горло подошедшего с этой стороны солдата, что тот молча рухнул под колёса. Второй парень, выдернув из сена автомат, успокоил последнего оставшегося в живых нигерийца.

— Всё? — поинтересовался дед. — Едем?

— Едем, — сказал мужик, удавивший негра, помогая девчонке забраться обратно. — Лёха, Серёня, останьтесь тут, соберите, что надо.

Мальчишки соскочили с телеги. Мужик поманил к себе стоящего с сонным видом участкового. Тот покладисто заскочил на телегу, зевнул, спросил:

— Пистоль сдавать?

— А что, доверили? — мужик усмехнулся.

— А то... Я есть власть на месте.

— Оставь себе... В селе ещё зверьки есть?

— А то вы не знаете... Нету. Вчера гарнизон сняли, через два дня обещали смену прислать.

Скрипя и раскачиваясь, телега ехала по деревенской улице. Участковый нудно рассказывал, как в соседней деревне гарнизон отравился самогонкой — поголовно всех

8.

пробрал дикий понос, трое померли от обезвоживания, а тем временем кто-то спи...дил тридцать шесть единиц стрелкового оружия и дерьмом написал на стене кунга оскорбительные для демократии и толерантности слова... Около бывшего правления, где висел ООНовский флаг, телега тормознула, и все, включая участкового, стали деловито разгружать из-под сена пластиковые упаковки НАТОвских сухпайков. Их гора росла на травке зашуганного газончика, из которого ещё торчали остатки стенда с результатами соцсоревнования 1985 года. Сверху бухнулись какие-то свёртки. Участковый свистнул проходившим по улице двум пацанам лет по 10–12 — они явно направлялись на рыбалку, в последнее время превратившуюся из развлечения в насущную необходимость:

— Ну-к, пробегитесь по улицам, постучите в окна, скажите — собрание, кто не придёт — расстреляют...

Мальчишки дунули по улице в разные стороны. Участковый закурил. Дед, убедившись, что всё разгружено, звонко грохнул вожжами и, не прощаясь, поехал дальше...

...Пайки раздавали по две штуки на человека местным, по пять — беженцам, ютившимся кто где. Участковый деловито принёс список и предупредил всех:

— Все видели, что меня зверски били... — и со всей дури хрястнулся физией о стену правления — в толпе охнули. Размазав по лицу кровь и закапав погуще форму, он заявил: — И чтоб без очереди не лезли и по два раза не подходили, я вам не партизан, все ваши хари знаю наизусть...

— ...когда просплюсь — даже по фамилиям помню! — сказал кто-то. Толпа посмеялась добродушно. — Выкликаю — подходите!

— Это от кого? — поинтересовались вновь из толпы.

— Не от НАТО и не от ООН, — сказал один из приехавших мужиков, по выправке — офицер.

— От них дождёшься, — согласились с дальнего края. Какая-то женщина уточнила:

— А вот скажите, они объявление делали, чтоб детей привели на вакцинацию в субботу, фельшпункт даже откроют — это как?

— Не водить и не давать, — ответил офицер. — Что там колют — мы не знаем, но подумайте — с какого добра им что хорошее колоть?

— А если забирать начнут? — раздался ещё один женский голос. — В Малиновке прямо с улицы похватали три дня назад, человек двадцать увезли.

— А ты не будь дурой и не отдавай, — отрезал офицер. — Да, мужики, к этому вопросу! Вот тут у нас десять М16, магазины, патроны. Дерьмо, но всё-таки. Кому дать, чтоб вашей семье вакцинацию не сделали? Или только сухпайки точить будем? Ну?! В партизаны не зовём, а это пригодится...

— Мне дайте, что ли, — тут же вышел вперёд плечистый молодой бородач.

— И мне...

— И мне...

— Давай сюда...

— И мне, — сунулся и получил пенделя мальчишка лет 13–14. Отскочив, он спокойно пообещал: — Сам найду.

Толпа зареготала. Происходящее уже имело вид народного гулянья...

...Лёшка тоже получил целых пятнадцать пакетов — на себя, мать и сестру. Грузивший пакеты в драный пакет мужик шепнул:

— Два верхних — только тебе. Усёк?

— Усёк, — ответил мальчишка. — Под дубом посмотрите, новости... — и отчалил в сторону.

— ...так что скоро кранты им! — ораторствовал офицер между тем. — Их выгоним, а всякую там мразь обратно не пустим — будем сами страной править, через своих людей, а не через Абрамсонов и Шмутюкевичей разных!

— Жидов вообще надо гнать, — согласился проверявший рядом винтовку бывший агроном

9.

Коля Фурман.

Хохот...

...На выходе из деревни за ноги были аккуратно развешаны трупы блокпостовцев — без штанов и трусов. Двое поработавших мальчишек, сидя около собранного оружия, флегматично наблюдали за происходящим, ели шоколад, и один из них напевал — в такт качанию тел:

— Ай-ай-ай, убили негра-а-а... убили негра-а-а... убили негра-а-а...

— Пошли, — скомандовали им. — И стволы давайте сюда.

Идиллия была нарушена появлением с другой стороны троих местных мужиков. У одного за плечами была "свеженькая" М16, у двоих в руках — охотничьи полуавтоматы, нагло несданные по распоряжению оккупантов.

— С собой возьмёте? — уточнил всё тот же Фурман. — Скучно в селе стало.

— А чего ж, — согласился бывший офицер, пересаживая со своих плеч на землю девчонку. — Пошли.

— Только сперва тут в одно место зайдём, — вмешался один из вооружённых "гладкостволом". — Забрать кое-что надо.

— Что? — уточнил спутник офицера.

— Ну... вещь. Хорошую вещь. Старую, но хорошую... От прадеда осталась...

...Пулемёт "максим" пришлось катить мне. Зато Лёшка Барутов волок два цинка с лентами.

* * *

В развалинах фермы собрались этим вечером на совет шестеро. Самому старшему из присутствующих было 15, самому младшему — 10 лет; между ними находились ещё двое мальчишек и две девчонки. Четверо были из семей беженцев-тамбовчан, двое — местные. На разведённом оперативно костре забулькала уха в помятом ведре. Собственно, даже не уха — а так, будущий бульон из рыбы.

— Вот, — Лёха выложил на импровизированный стол из ящичков карту, несколько брикетов тола, детонаторы. — Но это на крайняк, тут спрячем. Работа у нас как раньше — собирать информацию. Вот запрос, — он положил сверху листок из блокнота.

— Есть ещё желающие, я щупал, — сказал веснушчатый невысокий паренёк. Лёха покачал головой:

— Нет. Пока не надо. Тебе персональное задание — присматривайся внимательно, но ничего конкретного не говори.

— Да проверенные ребята, мы с ними до войны... — начал веснушчатый немного обиженно, но Лёха его прервал:

— Нет, я сказал. Понял?
— Понял, — кивнул веснушчатый.
— Вот и хорошо. А теперь давайте распределять новые задания. Запоминайте, листок я сожгу. И ничего не записывайте!

Булькала уха. Горел костёр. Негромко шептали голоса: "Склад... аэродром... пост... дорога... мост... это я сам..."

По небу летели частые августовские звёзды.

* * *

— Давай, — я перебросил Генку моточек тросика, уже закреплённый за кольцо гранаты. Усики я уже разогнул. Генок стал аккуратно привязывать тросик к кусту у самого корня.

Это была уже двенадцатая граната — мы начинали кусты напротив того места на дороге, где уже заканчивали установку фугаса. Дело было хлопотное — и тут и там. Мне лично всё время казалось, что я обязательно задену одну из уже "настороженных" ловушек. По-моему, Генок думал о том же. Во всяком случае, я видел, что весь его лоб, нос, губы в капельках пота.

— Ещё две, — сипло выдохнул он.

10.

Фугас на дороге состоял из пятидесятилитровой банки, наполненной выплавленным на пару гексогеном плюс самодельный электродетонатор, подключённый к машинке из старого телефона-"вертушки". Провод уже замаскировали до самых кустов, оставалось подключить к клеммам детонатора, а потом — зарывать и маскировать яму.

Одна группа — со всем имевшимися пулемётами и парой одноразовых РПГ — находилась чуть дальше фугаса, в придорожных кустах. Вторая — на полкилометра дальше по дороге. Третья — пряталась в глубине леса на пути отхода основной — на всякий случай. Хотя "всякого случая" не должно было быть. Конвой состоял из танка, трёх грузовиков, "хаммера" и "брэдли", и ещё полчаса назад никаких изменений в составе не было. А сейчас следовало всё-таки поторапливаться, потому что можно было ожидать контрольного пролёта беспилотника. Правда, последнее время они летали всё реже — по некоторым данным ресурс вырабатывался с бешеной скоростью, а новыми как-то не очень баловали оккупантов их "хозявы". Оказывается, война вообще страшно дорогое дело, я раньше даже не задумывался над этим! И получалось — так говорили взрослые — что её можно выиграть, даже не убивая врагов, каждый час пребывания "войск ООН" на нашей территории влетает им в миллионную копеечку. Но мысль о выигрыше войны без убийства врагов меня как-то не привлекала. Думайте обо мне, что угодно — нет, и всё.

— Всё, — выдохнул Генок, и мы с ним, аккуратно пробираясь над растяжками, вернулись в лес. На дороге взрослые в бешеном темпе, но осторожно (это вещи вполне совместимые) продолжали работать с фугасом.

Мы заняли свои места. Теперь оставалось ждать. Самое занудное занятие. Вскоре и фугас был замаскирован; дорога выглядела абсолютно так же, как и до нашей землекопской деятельности, даже камешки, оставшиеся от когда-то лежавшего тут асфальта, уложены в прежнем порядке. Как говорил постоянно Михаил Тимофеевич — "дураки на войне повывелись сразу". В смысле — нечего врага считать глупее себя. Опытному глазу и сырые пятна на дороге много скажут...

— Идёт конвой, — сказал Геныч. Я дёрнулся. Точно — от опушки леса остренько поблёскивало зеркальце — скорее всего, в руке Стёпки. — Готовность полная, огонь по моему выстрелу.

Двое наших с "аглениями" приготовились на другом конце засадной цепочки. И я почти сразу услышал рокот и урчание моторов.

Как всегда кажется на длинных лесных дорогах, техника чувствовалась близко, а

ползла — бесконечно медленно. Гул танкового дизеля перекрывал всё. Но первым проскочил "хаммер" — мы такое и ожидали в принципе, плоская широкая машина, увенчанная самодельной башенкой с торчащей из неё спаркой браунингов, прошла над фугасом быстро, я различил купол шлема сидящего за спаркой солдата. Конвой был американский, броню машины украшали гербы легкопехотной дивизии.

Танк появился через полминуты. "Абрамс" был усилен дополнительным бронированием, верхний люк — приоткрыт, но никого не видно. Следом шли три грузовика с туго натянутыми тентами и торчащими над кабинами башенками — в них тоже виднелись "браунинги". БМП моталась где-то позади.

Я сдвинул предохранитель и приладился для стрельбы, но глаза пока прищурил и рот приоткрыл. Вовремя.

Фугас ахнул практически напротив меня, чуть в стороне. Звук был такой, что я почти оглох — долбануло в уши почти физически ощутимо, по листве градом свистнула галька, что-то ещё, посыпались ветки, листья... Танк подбросило на упругом снопе чёрно-жёлтого выхлопа. Он завалился на бок, до нелепого похожий на сломанную игрушку — в днище была черная вывернутая дыра, из неё хлестало что-то серо-белое.

Конечно, ни о каком "огонь по моему выстрелу" речи уже не шло. Я просто начал лупить короткими очередями в кабину первого грузовика, даже не думая ни о чём — та-так, та-так, та-та-так, долбил АКМ, коротко толкая в плечо. Потом Геных почему-то

11.

ударил меня в бок, я повернулся и увидел возвращающийся "хаммер". Мой АКМ выплюнул зелёную строчку трассера, я быстро заменил магазин, но нужды уже не было — навстречу джипу одной бесконечной очередью ударил "максим", и я увидел, как "хаммер" буквально разворотило — весь передок в кашу. Спарка так и не открыла огонь, но откуда-то сзади выскочили двое, плюхнулись у колёс и принялись лупить в нашу сторону, бухнул подствольник... Один из наших молча сунулся лицом в приклад М16, но почти сразу ответный огонь достал обоих американцев.

С колонной всё было кончено. БМП дымила каким-то ленивым густым дымом, съехав боком в кювет. Похоже, из неё никто даже не выскочил. Как раз когда я на неё поглядел, "брэдли" покачнулась и с лёгким хлопком расцвела белёсым пламенем, прибавившим дым. Потом внутри что-то несколько раз рвануло.

Двое солдат стояли неподалёку от машин, подняв руки — высоко, прямые, как будто висели на турниках и не имели сил подтянуться. Наши уже выходили на дорогу, из одного грузовика выбросили ящик. Кто-то сшиб пластиковую крышку — внутри оказались аккуратные упаковки ампул. Это было именно то, за чем мы охотились.

— Заберите пару упаковок, — распорядился Михаил Тимофеевич, — после войны поглядим, чем и от чего они наше подрастающее поколение спасать собирались. Остальное сжечь на хер!

Появился один из наших взрослых — сдвигая на глаза трофейные очки, с огнём, сделанным из краскопульта. Все сыпанули от машин.

Ффффуууухххххсссс! Светлое пламя, резко темнея, охватило один из грузовиков. Переход к следующему... Ффффуууухххххсссс!

Подошёл Санька, неся на плече свой бессменный МГЗ. Мимо нас пронесли на брезентовых раскладухах двоих наших убитых, мы проводили их взглядами, и Санька зевнул:

— Спать охота.

* * *

Кроме нашего Михаила Тимофеевича — командира отряда "Волчья сотня" — их было ещё семеро.

Командиры отрядов "Царские волки", "Батька Антонов", "Серая стая", "Волчата

Антонова" (туда всё-таки ушли от нас наши кадеты, Стёпка с Лёшкой, потому что отряд состоял почти целиком из кадетов), "Русский гнев", "Динамо Плюс" и "Тамбовские гусары".

Безымянный подполковник из-за Урала своё сложное дело сделал. Первый совет командиров партизанских отрядов — с целью создания Первой Тамбовской партизанской бригады — состоялся в начале этой осени на одном из лесных кордонов. Ха. О таких вещах потом пишут воспоминания и даже в учебниках истории упоминают: тогда-то и там-то те-то решили то-то, что послужило историческим поворотным моментом... ну, в общем, в таком ключе, как говорится.

Когда-нибудь я напишу мемуары. Точно вам говорю. Как стоявший у истоков.

Хотя вообще-то мы не у истоков стояли, а лежали в одном из многочисленных секретов и напряжённо ждали — не ахнут ли по этому совещанию чем-ничем с небес? У нас была хорошо поставлена разведка (уже даже очень хорошо), но всё-таки... И особо никакой причастности я не ощущал — я любовался на приехавшую с командиром "антоновцев" девчонку, его дочку, нашу ровесницу или чуть старше, щеголявшую в кавалерийских сапожках и пригнанной камуфлированной форме. Увы мне. Правда, девчонка на всех вокруг глядела с великолепным презрением и, поскольку приклад её биатлонки украшали 34 аккуратно нанесённых маникюрным лаком крестика, у неё были основания для такого презрения... Крыть нечем, как говорится.

Что там, на совещании, говорили — я не знаю (позднее нас поставили перед фактом, что мы теперь часть бригады, насчитывающей около 500 бойцов). Я уже совсем было

12.

собрался подбить-таки клин под снайпершу. Но тут произошло — скажем так — Событие.

* * *

Когда восьмилетний сирота Лёшка Баронин предложил Эду Халлорхану найти партизан — он сам не знал, что им двигало.

Родителей Лёшка не помнил вообще, совершенно. И ещё плохо умел думать об отвлечённых вещах. В его детском уме помещались только довольно простенькие вещи. Например — что дядя Эд — хороший человек. Он был добрый и весёлый. Он спас всех из того лагеря (Лёшка не очень понимал, что там было плохого, он ничего плохого не видел — но так говорили старшие ребята: что их всех увезут за границу и заставят работать, как рабов из кино или вообще разрежут на кусочки, чтобы вставить другим людям — а старшим ребятам Лёшка привык верить...), куда их привезли из детдома.

Иногда Лёшка, лёжа вечером в шалаше, думал с замиранием сердца, что дядя Эд на самом деле — его, Лёшки, отец. Ведь отец-то был, конечно. И теперь он просто нашёл Лёшку. А почему не признаётся — да мало ли? У него другая семья в Америке. Может, не хочет, чтобы она знала про Лёшку. Ну и пусть. Он, Лёшка, всё равно будет считать, что дядя Эд — его отец.

Наверное, именно поэтому Лёшка и стал разведчиком.

Конечно, как и все детдомовцы, Лёшка в свои восемь лет был изворотливым и хитрым, неприхотливым мальчишкой. Поэтому одинокие странствия в поисках партизан его не пугали, не боялся он и ночного леса, и дождя, и голода. А что всем вокруг было как бы и не до него — так это даже и лучше.

Правда, как-то — на третий день странствий — мальчишка чуть не попался патрулю оккупантов, которому зачем-то понадобилось его именно отловить. Мальчишка кубарем скатился с заброшенного сеновала, где ночевал, шмыгнул буквально под руками у одного из солдат и плюхнулся прямо в протекавшую за сеновалом речку. В его сторону пару раз бахнули. Будь Лёшка повзрослей — он бы понял, что близок к цели своих поисков. В директиве оккупантов, разосланной как раз за день до этого по всем территориям, было выделено: "Особенно опасаться в части сохранения военной тайны русских детей и

подростков обоего пола и любого возраста... аполитичность молодого поколения была нами сильно преувеличена... Совершенно непригодна апробированная на детях мусульманских народов практика подкупа. Русский ребёнок возьмёт у вас шоколадку и от души поблагодарит на неплохом английском, после чего подробно расскажет о вашей части человеку из леса... русские дети презируют и не боятся нас... Корни этого — в историческом мировоззрении народа, неискоренённом в мирное время..."

Лёшка об этом ничего не знал, он просто переплюхал реку и даже не очень понял, что свистнуло возле уха. И ещё больше удивился, когда его вдруг подхватили две пары рук — и он оказался, как по волшебству, на полянке среди кустов, а на него непонятно смотрели двое пацанов. Один его ровесник, другой — постарше, оборванные. У их ног лежали старые школьные сумки.

— Ты чего под пули лезешь? — спросил тот, который постарше.

— Партизан ищу, — честно отозвался Лёшка (взрослому он так никогда не сказал бы.)

Мальчишки засмеялись. Старший сказал младшему:

— Слышь, Пух, он партизан ищет... А сам что, тоже партизан? — снова обратился он к Лёшке.

— Не, — помотал головой Лёшка. — Просто у нас есть нечего. Ну и дядя Эд сказал — надо партизан искать. А я говорю — давайте я найду. Три дня ищу, говорят все, а как найти никто не знает.

— У кого есть нечего? — удивился старший. И кивнул Лёшка: — Пошли, по дороге расскажешь, покатит?

— Пошли, — вздохнул Лёшка. И с надеждой спросил: — Пацаны, а вы не партизаны?

Мальчишки переглянулись...

4. ХЛОПОТНЫЙ ТОВАР

К ночи, когда из прибывшего наконец грузовика стали разгружать трупы, температура упала до -35 по Цельсию. В небе одичало и немигающее сияли крупные страшные звёзды, свет прожектора над площадью казался холодным, деревня вдоль речного берега — вымершей. Изнутри окна — для тепла и чтобы не было видно света коптилок или керосинок — позанавесили кто чем мог. На реке пушечно трескался лёд, заставляя солдат гарнизона поворачивать головы в раструбах тёплых парок на эти звуки. Позавчера с востока надвинулась канонада, но ко вчерашнему утру откатилась куда-то обратно, и прерывистая связь донесла весть, что фашистские банды русских отброшены. Видимо, это так и было. Но для солдат реальностью были двенадцать голых трупов на синем ночном снегу — трупов, чьи отрубленные головы, державшие в зубах солдатские жетоны, были зажаты между сведённых морозом ног. Отделение, пропавшее вчера на патрулировании.

Ещё недавно подобное зрелище вызывало ярость. Но сейчас — нет. Сейчас каждый из них думал только об одном: любой ценой оказаться подальше от этой прихваченной холодом синеснежной земли под безжалостными звёздами, где дыхание щёлкает в воздухе клубом пара. Оказаться где угодно, пока тебя не взял этот проклятый лес вокруг — и не отдал безголового, смотрящего на мир вымороженными глазами...

...На реке опять взорвался лёд.

На окраине деревни в стоячем от стужи воздухе белел над дорогой с пробитыми колеями плакат на простыне:

НИКТО НЕ УЙДЁТ!!!

Появившийся непонятно когда, он будет замечен и снят солдатами только утром. Снят с невероятными предосторожностями, которым они научились с тех самых пор, как первый раз рванула в руках у наиболее ретивого намалёванная на вот такой же простыне карикатура — это было ещё осенью.

Этот плакат не был заминирован.

* * *

Лёха привычно расставил на столе вскрытые упаковки, поклонился. Генерал-майор Иверсон кивнул мальчишке, бросил ему плоскую банку сардин — русский ловко поймал, снова поклонился.

— Иди, иди, — махнул рукой генерал-майор. Третий поклон — мальчишка вышел.

Двое гражданских, только-только снявших тёплые куртки, внимательно проводили мальчишку взглядами.

— Это неосторожно... — начал один из них, ставя на стол ноутбук. Иверсон хмыкнул:

— Не волнуйтесь, он не понимает английского. Лопочет три десятка слов, треть о еде, треть — ругательства. И кроме того, он уже убежал — порадовать своих этой банкой...

Мужчины переглянулись, усаживаясь. Иверсон накрыл ладонью ноутбук.

— Погодите, — тихо сказал он. Лицо генерала передёрнулось. Гости переглянулись. — Вам не кажется... — полковник криво усмехнулся. — Вам не кажется, что этот бизнес не имеет смысла более?

— Поясните вашу мысль, — так же тихо и настороженно ответил старший из гостей, до сих пор молчавший.

— А тут нечего пояснять, — вкрадчиво сказал генерал-майор. — Ни для кого уже не секрет, что операция проиграна; более того — мы этой попыткой оккупации, может быть, и подкосили Россию, но заодно разрушили и весь привычный нам мир. Лично в моём родном городе — уличные бои...

— ЭТОТ товар, — мужчина тронул ноут, — будет в цене при любом мировом строе.

— Я не о товаре, я о себе, — покачал головой Иверсон. — Это не цена — семь процентов. Согласитесь, что под прикрытием армии США вам работалось неплохо. Так прикройте теперь представителя этой армии. Десять процентов и место в вашем вертолёте.

Мужчины снова переглянулись. Старший усмехнулся:

— Вы ведь командующий базы. Одной из важнейших в зоне "Центр".

— Сегодня да, а завтра для меня не найдётся даже места на Арлингтоне, — ответил Иверсон. На его лице на миг проступил открытый страх.

— Хорошо, мы заплатим наличными, — с лёгкой брезгливостью и отчётливым нетерпением отозвался мужчина.

— И не долларами, — усмехнулся Иверсон, слегка расслабившись. — Я предпочту британские фунты.

— Конечно, — был ответ...

...В холоде сеней пар, вылетающий из рта распластавшегося по стене мальчишки, был единственным, что могло его выдать. Но в выстуженные сени из комнаты никто не торопился соваться.

Лёха знал, что внутри сейчас напьются и уснут. И тогда...

А пока надо было ждать.

* * *

Изба загорелась около двух ночи. Генерал-майор Иверсон, вывалившийся из окна, сидя в снегу, смотрел, как рушится крыша, тяжело дыша перекошенным ртом. Кто-то поднимал его, кто-то натаскивал на плечи куртку. Сморгивая и выдыхая неусвоенные алкогольные пары, Иверсон качался в руках солдат, даже не пытавшихся тушить особенно страшное на лютом морозе пламя.

Потом внутри что-то взорвалось.

Представители фонда "Future" изнутри так и не выбрались.

* * *

Полулёжа на топчане, Лёха орал в голос, не сдерживаясь, крупные слёзы катились по

щекам. Растиравшая ноги мальчишки женщина приговаривала:

— Терпи... терпи... больно, зато уцелеют...

— Ой мама!!! — выл мальчишка. — Ой больно, не могу-у-у!!! Ой пустите!!! — но оставался лежать.

Рядом на столе мерцал экран ноутбука. Несколько человек, склонившись к экрану, невозмутимо просматривали какие-то сведения.

Эта картина и была тем, что я увидел, входя в штабную землянку.

Я раньше никогда не думал, что можно довольно уютно устроиться в землянках. Нашу кормилицу-деревню расхерачили ковровой бомбёжкой в начале ноября. Правда, мы к тому времени уже два дня как ушли в лес, на заранее подготовленное место — агентура у нас работала с полной отдачей. Но я всё равно с некоторым сомнением копал котлованы и вообще приготовился к зиме, полной лишений.

Оказалось, что всё не так страшно.

— А, Серёнька, — обернулся ко мне Михаил Тимофеевич. — Как дела?

— Да так, — я откинул капюшон тёплой куртки-трофея с нашими самодельными нашивками, погрел руки у печки из бензиновой бочки. — Пусто на дороге. Между прочим, я сразу говорил, что пусто. Только зря в снегу валялись. Пацаны спят уже, я доложиться...

Тут я заметил лежащие около топчана разрезанные летние кроссовки с тонкими носками и спросил наконец:

— А Лёха чего тут? — и добавил: — Я не понял, он что, в этих говнодавах по лесу бежал?! Нужда какая?! Девятнадцать кэмэ!!!

— Да вот, — капитан Логинов кивнул на ноутбук. — Базу интересную притащил. Хоть сейчас новый Нюрнберг созывай.

— Минус тридцать на улице! — я подошёл к топчану, сел, толкнул нашего начальника агентурной сети в плечо: — Ты что, освиноумел?

— Серёжа, Серёжа, — взяла меня за капюшон Екатерина Степановна, наш отрядный врач.

— Не трогай его, я его спиртом напоила... — и обернулась к командиру: — Два пальца надо резать, — сказала она Михаилу Тимофеевичу. — На левой ноге. Деревяшки уже. А так обойдётся.

— Резать?! — мне показалось, что я ослышался, потом — даже поджал сам пальцы в тёплых лёгких бурках, обшитых кожей. В конце сентября во время налёта я схлопотал осколок в правый бок — его вынимали, влив в меня стакан самогонки, и я толком ничего не помню. Но это осколок (величиной с ноготь моего пальца, он чуть не дошёл до печени, как мне потом сказали), вынули — и всё. А пальцы?

Лёха уже явно ничего не воспринимал — дышал ровненько, смотрел сонненько и куда-то не сюда. Екатерина Степановна уже раскладывала МХН — малый хирургический набор, вертевшийся тут же Бычок поставил кипятиться воду. Я махнул рукой, с жалостью посмотрел на Лёху и отошёл к столу.

— Хоть что принёс-то, стоило рисковать? — горько спросил я. — Глянуть можно, не очень секретно?

— Полная база, — сказал Михаил Тимофеевич. — Медицинская, довоенная. Сведения по пятидесяти тысячам детей от года до 16 лет из семи центральных областей... Помнишь, перед войной, стали резко пекься о здоровье нации? Фонды разные, государственные вливания, шум-гам... Там тщательно детишек обследовали... А вот ты, смотри, — Михаил Тимофеевич поманил меня ближе. Я склонился к экрану и с удивлением воззрился на своё фото. — Я набрал фамилию-имя-отчество ради интереса — и оп! Гляди, сколько у тебя всего совместимого... А вот цены... Ты клад, а не мальчик, оказывается, если тебя продать — зенитный ракетный купить можно.

— Не шутите так, — я вздрогнул, выпрямляясь. — А хотя... если для победы — я согласен.

— А вот на моих пацанов, — бывший лесник, а ныне полковник партизанской армии

усмехнулся. — И на старшего, и даже на младшего...

Я отошёл от стола. Мне сильно захотелось спать и загорелись щёки. То ли с мороза наконец, то ли от нервов... хотя — какие нервы после боёв конца ноября, когда нашу Первую Тамбовскую партизанскую пытались выкурить из лесов чуть ли не две дивизии полного состава? Нету у меня нервов.

Злость — есть. И я про эту базу не забуду...

— Вот и всё, — бодро объявила Екатерина Степановна.

Что-то каменно стукнуло в эмалированном тазике.

* * *

В "МакДональдсе" — так называли землянку, где жили "наши американцы" — было весело. Эд Халлорхан знал великое множество песен и умел отлично играть на гитаре — а последнее время даже по-русски пел. Но, когда я вошёл — привлечённый звуками песни и не желая идти к своим, мне требовалось срочно чем-то занять голову — он пел как раз по-английски.

— Вода проточит камень,

Огонь пройдёт сквозь лес!

А если смел ты и упрям —

Дойдёшь хоть до небес!

Я улыбнулся, ошупью сядя на нары. Вот странно. Никогда не думал, что у американцев есть такие песни. Да что я вообще о них думал? Голливуд и пугающие негры? А они — вон они какие. Разные. И такие, как Халлорхан, чей голос задорно и молодо звучал от самодельной печки...

— Вода проточит камень,

Огонь пройдёт сквозь лес!

А если смел ты и упрям —

Дойдёшь хоть до небес!

И тут я услышал тихий плач.

Я повернулся на звук сразу. Да, плакал кто-то из мелких — тех, которых привели в наш лагерь, тогда ещё в деревню, американцы... Лёшка! Тот самый Лёшка, который нас нашёл тогда! Один из наших бесстрашных маленьких разведчиков... Сейчас он сидел на одеяле, обхватив коленки руками и уткнувшись в них лицом. И, когда я подошёл, поднял на меня зарёванное лицо с горестными глазами. Тяжело вздохнул, судорожно. Всклипнул. Я сел рядом.

— Ты чего? — хмуро спросил я. Лёшка опять вздохнул и тихо сказал тоненьким голосом:

— Я предатель...

— Страшный сон приснился? — уточнил я.

— Ты не понимаешь... — у него внутри даже что-то пискнуло. — Я правда предатель... Санька сказал, что каждый, кто хочет бросить родную землю — предатель. Россия — она ведь и моя земля. А я... я... — он даже заикался от плача и уткнулся мне в бок, вырываясь: — Я... хочу-у-у-у... у-у... у-у... уха-а-а-ать!!!

Его колотило. А я всё понял. Вспомнил, как Лёшка постоянно торчит около Халлорхана и сыплет вопросами то на русском, то на ломаном английском... а офицер ворчливо отвечает.

— С Халлорханом в Америку? — спросил я. Лёшка закивал головой, стуча лбом мне в бок.

— С дядей... — он опять икнул и судорожно дёрнулся (бедняга). — С дядей Эдом... Я получаюсь предатель!

— Ты получаешься дурак, — я обнял его и покачал. — Эх, Лёшка... если бы у меня были мама и отец... А у тебя — будет.

Он опять дёрнулся. Замолчал. И поднял на меня огромные мокрые глаза:

— А как же...

— А вот так, — я вздохнул. — Предатели — это те, кто родину бросает за жирный кусок. Это про них Санька говорил. А Хал... дядя Эд разве плохой человек? И разве ты за ним ради бутербродов идёшь?

— Не! — Лёшка замотал головой. — Мне всё равно, только чтоб с ним...

— Ну вот... — я вытер полую куртки лицо мальчишки. Он немного отстранился — ага, приходит в себя... — Значит, он и есть твой отец. Поедешь с ним и будешь счастлив. Думаешь, он захочет, чтобы ты забыл Россию?

— Не... — уже задумчиво сказал Лёшка. И обхватил меня руками, умоляюще шепнул: — Я правда не буду предатель?!

— Правда, — твёрдо сказал я. И нагнулся — стащить с ног бурки. — А теперь дай мне поспать, Лёшик.

— Я почищу твой автомат? — с готовностью предложил мальчишка.

— Не надо. Сегодня я не стрелял. Было не в кого.

* * *

Канонада в морозном воздухе рокотала совсем близко. Были слышны за общим фоном даже отдельные "бум! бум!" (как будто били по тугому мячу) 250-миллиметровых орудий.

— Это Тамбов берут, — сказал мне Санька. За прошедшие месяцы он вырос ещё, раздался в плечах, а воображаемые усы превратились в почти настоящие. Мы стояли в строю рядом, и он легко держал пулемёт около ноги.

Я кивнул. Почему-то мне это не казалось таким уж важным. Важнее было то, ради чего нас построили на прогалине.

Раньше я не думал, что нас так много. Просто всю бригаду одновременно я видел впервые. Строй уходил влево и вправо, и в утреннем сером воздухе люди казались призрачными, как тени. Над прогалиной клубился пар от дыхания.

Михаил Тимофеевич появился перед строем в сопровождении всего штаба. Наш командир был без шапки, с откинутым на спину капюшоном. Справа от него Никитка нёс знамя бригады — и все в строю сперва зашевелились, а потом замерли.

— В общем, нечего тут говорить, — негромко и совершенно обыденно сказал командир. — Через полчаса бригада тремя колоннами выступает для захвата аэродрома. Мы не должны дать взлететь ни одному из самолётов или вертолётов, не должны дать уничтожить склады, не должны дать никому приземлиться. Через два дня тут будут наши. Аэродром должен их встретить в целостности и сохранности... — он помолчал и добавил: — Я что-то не то говорю. В общем, похоже, что мы всё-таки победили. Конечно, теперь будет просто глупо вдруг умереть. Никому не хочется, — он говорил по-прежнему негромко, но слышали — я уверен — все. — И всё-таки... Вспомните прошлые месяцы. Сколько погибло наших. Каждый знает по нескольку имён. Ничем они были не хуже нас, им бы всем жить и жить. А они — погибли... — он опять помолчал. — Если мы сейчас дадим этим просто так уйти — мол, всё равно победа, пусть! — это нечестно будет, по-моему. Никитка, разверни, что ли.

Сын командира молча, со строгим лицом, развернул знамя. Было безветренно, и он расправил сине-алое полотнище с золотыми пчёлами по центру и чёрно-белой волчьей головой в крыже, наше, тамбовское. Оно у нас было уже давно, сшили в Котовске и тайком передали нам. Конечно, ни в какой бой мы ни разу под ним не ходили, смешно было бы. Но сейчас, наверное, выпало исключение.

— Равняйся! — прозвучал голос Михаила Тимофеевича. — Смирно! Равнение на — знамя!

И он с суровым лицом накинул капюшон и взметнул к нему ладонь.

* * *

Чтобы сломить сопротивление оборонявшего центр Тамбова штатовского батальона

"Янычар-7", понадобилось привлечь не только два усиленных бронетехникой и штурмовыми вертолётами "номерных" полка РНВ, как предполагалось вначале. В бой бросили 4-й Сибирский казачий полк и, наконец — спешно переброшенный на грузовиках из-под Липецка 2-й Алексеевский именной полк. Только к концу пятого дня бои закончились. Это было крайне необычно для янки — достаточно храбрые в наступлении, они не обладали стойкостью и быстро "ломались", если становилось ясно, что удача отвернулась. Из личного состава "Янычар-7" в плен попали одиннадцать человек, все — с тяжёлыми ранениями, без сознания. Не меньше пятисот ожесточённо сопротивлявшихся и после того, как их разрезали на группки и даже раздробили на одиночек оккупантов были убиты. Бойцам РНВ и казакам эти пять дней обошлись в почти восемьсот убитых, восемь сбитых ракетами и огнём стрелкового оружия вертолётов и кучу сожженной бронетехники. Пожалуй, с самого начала войны противник ни разу не был так упорен в обороне.

Полковник Гладышев, сняв жаркую "сферу" и с наслаждением дыша морозным воздухом — наконец-то в городе тоже лёг снег, засыпая nepотpeбные грязь и гарь — пробирался по руинам, недавно ещё бывшим последней вражеской линией обороны. Снег валил и на трупы; тут и там бойцы выносили и складывали своих убитых, перекуривали, кто-то уже кипятил воду для чая на маленьких костерках или плитках сухого горючего. Люди перекликались, переругивались, слышался даже смех.

Около чёрной от гари, избитой пулями, как сыр — дырами стены — непонятно даже, что это было раньше — которую рассекала красная по чёрному надпись

USA FOREVER!!!

полковник увидел подсолнечника Кириллова. И остановился. Один из лучших офицеров 2-го Алексеевского, стоя коленями на обломках кирпича, держал на коленях голову убитого американца, прикрывая лицо мертвеца рукой. Грудь штатовеца вместе с жилетом была разворочена очередью в упор, в правой руке, в чёрной тугой перчатке, он сжимал карабин без магазина, с открытым затвором подствольника и окровавленным штыком.

— Ты чего, Игорь? — по-простому спросил, подходя, полковник. Подсолнечник поднял лицо — чёрное, с сухими глазами, молодое. Гладышев вспомнил, что Кириллов был рядовым ВДВ и пришёл в РНВ, после того, как его батальон разбили во время нелепой высадки десанта парашютным способом на вражеские позиции. — Что случилось?

Вместо ответа Кириллов убрал руку с лица убитого.

Гладышев издал невнятный звук — удивления и почти испуга. Из-под козырька глубокого шлема смотрел... второй Кириллов. Точь-в-точь такой же, как его, полковника, офицер.

— К-хак... — поперхнулся Гладышев.

— Я не рассказывал, — тускло, как недавний осенний дождь, заговорил Кириллов, раскачиваясь на коленях и бессознательно глядя белый лоб убитого. — Нас двое было... я и Ванька... нам по пять лет было... близнецы... "двое из ларца", я помню, мама говорила... а потом родители начали пить... работы не стало, воровать они не умели и начали пить... пить... нас забрали в детдом... мы не хотели, лучше с пьянью, но с семьёй, чем... Потом Ваньку усыновили. У меня была чесотка... я лежал в стационаре... вернулся — а его нет... Я потом узнавал, метался — где там... даже документов никаких не нашёл... А тут вот... Гранату кинули — он её обратно успел. Две швырнули — и их выкинул, как жонглер... Пошли на рывок, одного положил, второго... Выскочил навстречу, одного ногой, другого штыком, третьего тоже... Я подбежал и всё, что в магазине оставалось — в упор. Упал он, а я гляжу... — Кириллов отвёл глаза от полковника и вдруг закричал: — Братик, встань, встань, Ванька, ну встань, братик! — крик офицера сделался безумным, он уже не качал, а тряс мёртвого брата, и голова убитого моталась, а лицо было безмятежным. — Ванька, братик, встань, Ванька, пойдём домой, домой пойдём, слышишь?! — Кириллов упал на труп брата и заколотился всем телом, комкая пальцами широко раскинутых рук чужую пятнистую форму.

— Господи... — прошептал полковник, невидящим взглядом обводя развалины, трупы, сбежавшихся на крик и стоящих вокруг бойцов. — Господи, вот значит, что... значит правду говорили... Господи! — крикнул полковник. — Прости нас, Господи! Прости нас... и... — голос офицера упал. — И покарай, Господи, тех, кто... покарай их, Господи... — он нашёл взглядом в толпе нескольких офицеров. — Собрать трупы ам... враг... их тоже собрать. Будем хоронить. Как людей будем хоронить... в родной земле.

Все молчали, потрясённые. Лишь издалека доносилась весёлая неразборчивая песня. Да подсотник Кириллов зачем-то расстегнул на убитом тяжёлый жилет, форму... Сдернул с его шеи и брезгливо отшвырнул с снег солдатские "догтэги" с острыми цифрами кода. Потом так же медленно, обстоятельно, расстегнул свой "тарзан", куртку... Стащил с шеи серебряный крестик и, осторожно приподнимая голову убитого, надел на него.

— Спи, Ванюшка... спи... спи... — прошептал Кириллов и осел в снегу, прижимая к себе голову брата. Стало слышно, как он тихонько напевает:

— Солнце за море ушло —

Спать...

Белка спряталась в дупло —

Спать...

Ветер после трёх ночей

Мчится к матушке своей...

— Что с ним? — с испугом спросил мальчишка-вестовой, подходя к полковнику.

— Это его брат, Герка, — сказал Гладышев. — Это — наши братья, парень.

* * *

Атака на село шла тремя колоннами: со стороны леса, по реке и от аэродрома. Собственно — четырьмя, так как в самом селе уже были вооружены и подготовлены несколько подпольных групп из местных и беженцев, до поры сидевших тихо на, так сказать, конспиративном положении.

Противник, надо сказать, был уже не тот. Мы это понимали и раньше, когда в стычках убеждались: воевать там больше никто не хочет. Оккупантами владела, судя по всему, одна мысль: как выбраться отсюда?

Проблема оказалась именно в том, что мы не давали им выбраться, зажав гарнизон в тиски. А сдаваться многие просто боялись, зная, что пленные из наших рук живыми не выходят.

Не объяснять же им было, что война здесь фактически кончена?

Правда, сдавались всё-таки многие. В основном, из подразделений "стран третьего мира" — эти не обладали ни военными традициями, ни толком навыками, ни упорством и считали чуть ли не своим долгом бросить оружие. Таких сгоняли на окраину и усаживали в снег на бывшем футбольном поле. Честно говоря, я лично не знал, что с ними делать дальше... да особо и не задавался этим вопросом. Хватало других дел...

...Бой шёл среди домов — на улицах, во дворах и в самих домах. В правлении и окружающих зданиях засели американцы и отстреливались из всего, из чего было возможно: отрывистый треск то и дело заедающих на морозе М16, хлопки гранат и выкрики... Мы переползали по заснеженным дренажным канавам и вели огонь из других зданий. Рассвело, но небо оставалось сизым, как тухнувшее мясо, над горизонтом висели дымы и слышалась всё та же канонада. В снегу лежали тут и там трупы, горели три успевших наполовину выползти из ангара (бывшего колхозного) М113, похожие на какие-то ненормальные спичечные коробки, и кто-то уныло уговаривал янки через мегафон — сдаться.

Лёжа за фундаментом брошенной чёрт те когда стройки, я ел снег, уже вторую горсть. Промок от пота и талой воды насквозь, но холодно не было, а вся правая сторона лица горела — ещё на окраине пуля чиркнула от угла глаза к виску, срезала верх уха и оставила тяжёлый звон в черепе. Кто-то — уже не помню, кто — пробовал меня перевязать, но повязка сползала, и я её сорвал, бросил где-то.

"Калаш" у меня перегрелся давно и прочно, я то и дело совал его в снег, и тот свистел, выбрасывая пар, который пахнул весной. В какой-то момент я перестал стрелять — и меня подёргали за бурку. Обернувшись, я увидел Симку — мальчишка тащил на каких-то санках по снегу три вскрытых цинка с патронами.

— У тебя кончились? — спросил он. Азартно сверкая глазами и поправляя большую трофейную шапку.

— Ты чего тут?! — я пнул его в плечо. — Пошёл вон, сопля!

— Патроны брать будешь?! — он взял два валявшихся рядом со мной пустых "бутерброда". — Я набыю.

— Я тебе сейчас сам набыю! — рявкнул я. — Иди отсюда! Кто тебе разрешил?!

— А мы все тут, — он явно имел в виду наших младших. — Надо же тас... ой.

Лицо Симки стало жалобным, он открыл рот и вытолкнул красный пузырь. Откинулся к санкам, оперся на них и уронил голову на грудь. Ещё два раза вытолкнул на курточку кровь, вздохнул, провёл ногой по снегу...

— Эй, ты чего? — заморгал я.

Симка молчал. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что пуля попала ему в бок — в печень...

...Правление развалили двумя термобарическими ракетами, которые запустили Генка с кем-то из старших — подтащили трофейный "дрэгон", установили его... и через минуту мы ворвались в горящие развалины, закалывая уцелевших штыками и рубя плотницкими топорами.

Никитку убили рядом со знаменем — убили в спину в тот момент, когда он устанавливал древко на верху обваленной стены. Я видел, как сын нашего командира, уже падая, навалился на древко и всадил его глубже. А потом сполз на обугленный камень, скользя руками по обструганной палке. И стал совсем маленьким и незаметным.

Какая-то женщина подбежала ко мне с двумя девочками и кричала: "Где Лёшичка, Лёшичка где?!" И я не сразу понял, что она говорит о нашем разведчике, что это его мать с сёстрами, ради которых он тогда, летом, бегал на четвереньках по мосту... А когда понял — сказал ей, что он жив и в лагере. А потом я плакал, а она обнимала меня и называла "сынок".

А мимо нас Михаил Тимофеевич пронёс на руках Никитку...

...Сержанта Гриерсона нашли около ангара на аэродроме.

Возле приоткрытых дверей, в пулемётном гнезде, лежали двое нигерийцев с перекошенными от ужаса харями — сержант разmozжил им головы друг о друга. Третий из охранников — фактически раздавленный предсмертной хваткой Гриерсона, с выпученными коровьими глазами, вылезшим лиловым языком и кровью на губах и подбородке — застыл у порога ангара, в обнимку с сержантом, под левой лопаткой которого торчал штык. Рядом лежал ручной пулемёт — то, с чем нигериец собирался войти в ангар и чего ему не дал сделать сержант.

В ангаре находились тридцать семь девочек и мальчиков — не старше 10 лет, уже даже не плачущих и ничего не понимающих. Их вывел наружу Райан — подоспевший слишком поздно, чтобы помочь Гриерсону, сам раненый в плечо и шею.

Я помню — мы подбегали — как он сидел на истоптанном снегу и смотрел в сизое небо. Дети стояли вокруг молчаливой стеночкой и смотрели туда же.

Потом мутная пелена лопнула под их взглядами — и на аэродром хлынул солнечный свет обычного зимнего дня.

* * *

Тяжело дыша, двое солдат в американской форме пробирались через лес, держа наготове оружие. Дыры их следов наполняла чернота, временами то один, то другой проваливались по пояс. Невысокий латинос причитал непрерывно:

— Он бросил нас... проклятый сын шлюхи... он бросил нас... проклятый Иверсон... что теперь будет... он бросил нас... что нам делать...

Молодой светловолосый парень ломил по снегу молча, время от времени отплёвываясь. Ужас разгрома не давал остановиться обоим, но в конце концов — на прогалине, где тёк ручеёк и молчаливо стояли двумя стенами осыпанные снегом дубы, солдаты замерли, опираясь на ушедшие в снег винтовки.

Стало тихо.

Стало очень тихо.

На деревьях, простиравших ветки через прогалину, сияло серебро.

— Что... — латинос завертел головой. — Что... — он крунулся на месте. — Что происходит? Послушай, на меня смотрят... — и вдруг, взвизгнув, бросился бежать снова, слепо, слома голову и крича что-то на двух языках...

...Он бежал и вопил, пока под ногами не расступилось гостеприимно чавкнувшее незамерзающее болото...

Молодой атлет остался стоять на месте. Лишь на минуту он скользнул взглядом вслед убежавшему — и равнодушно отвёл его. Этот американец был сильней. В нём — пусть и негромко — но всё ещё говорила кровь его предков, таких же, как русские, людей Великого Леса. Но и это обернулось против него. Словно прозрев вдруг, молодой рослый солдат неожиданно изумлённо всхлипнул. Он ощутил себя, словно человек, совершивший в пьяном угаре святотатство в храме. "Что я делаю тут?! — мелькнула на его лице отчётливая мысль. — Это не моё вокруг, а у меня — у меня есть своё!!!"

Он удобней перехватил винтовку и побрёл по сугробам дальше. К дороге, о которой ничего не знал — но к которой выйдет через полчаса.

Лес вокруг молчал.

ИНТЕРЛЮДИЯ: "Захватчики".

Ой-ой-ой, какие смелые,

Боже мой, какие глупые —

Рвались в бой, да что ж поделаешь...

Да только все вернулись трупами

Мы пришли за вашим дождем,
За вашим покоем, за вашим небом,
Мы тянули руки к вашей любви,
Мы пришли за вашими песнями,
За вашей солью, за вашим хлебом,
А взяли всего лишь немного вашей земли.

А даль крестом — четыре стороны,
А над тобой — чужие вороны,
Рвется крик: "А мы здесь лишние!"
Но рот забит густыми вишнями.

Мы пришли за вашей весной,
За вашим счастьем, за вашим горем,
Мы хотели сияния вашей зари,
Мы пришли за вашей мечтой,
За вашей сушей, за вашим морем,
А взяли всего лишь немного вашей земли.

Хороша чужая родина,
Штык пробил дыру для ордена,
Здравствуй, край, и до свидания,
Без лица и без названия.

Мы пришли за вашей травой,
За вашим лесом, за вашим снегом,
Мы считали, что мы уже короли,
Мы пришли за вашими звездами,
За вашей ночью, за вашим светом,
А взяли всего лишь немного вашей земли,
А взяли всего лишь немного вашей земли,
А взяли всего лишь два метра вашей земли. (1.)

1. Слова О.Ступиной

* * *

Несмотря на то, что сверху Лондон ещё кое-где был испятнан следами коротких, но довольно яростных февральских боёв, аэропорт Хитроу работал по-прежнему как часы. Взлетали и садились самолёты, только досмотр проводился намного тщательней.

Высокий подтянутый человек в куртке-канадке не боялся досмотра. Он не вёз в страну ничего запрещённого, а на кредитной карточке "Мидлэнд Банк" лежала достаточная сумма, чтобы безбедно жить в английской глубинке — где-нибудь в этакой Хоббитании, в которой остались незамеченными не то что потрясавшие мир последний год события, но и собственные английские проблемы, известные как "Двухнедельная охота на макак" — так её окрестили склонные к иронии аборигены Острова.

Поэтому он очень удивился, когда сразу на выходе из здания аэропорта весёлый молодой человек прикоснулся к рукаву канадки:

— Генерал-майор Иверсон? — молодой человек улыбался.

— Вы ошиблись, — удивлённо ответил прилетевший. — Отпустите рукав, в чём дело?

— Всё нормально, — продолжал улыбаться молодой человек, а приезжий почувствовал, как его взяли под локти две пары крепких рук. — С вами хочет побеседовать Билли.

— Какой Билли? — искренне удивился попытавшийся было вырваться из цепкой хватки двоих "встречающих" человек.

— Наш Билли, — жизнерадостно отозвался "местный". — Его Величество, король Уильям Первый...

...На мосту Тауэр качались по обеим сторонам трупы в мешках из свиной кожи. Это были те из руководства английских исламистов, кто имел глупость попасться в руки армии живыми. На плечах нескольких трупов сидели, нахохлившись, огромные и довольные чёрные замковые вороны. "Кррррок..." — вещь сказал один, когда Иверсона вели мимо, многообещающе кося непроницаемым взглядом.

Бывший генерал-майор вздрогнул.

— Шагай давай, чёртов янки, — буркнул шедший сзади молоденький валлийский гвардеец, толкая Иверсона в спину стволом L85A3. — Ублюдок недоделанный, вас нам не хватало.

Его Величество стоял посредине моста. В этом не было ничего символичного, да и генерал-майор битой армии не был сколь-либо значительной фигурой для "Билли". Просто так сложилось — отсюда Уильям смотрел на Лондон. И обернулся, когда генерал-майора Иверсона подвели ближе.

В детстве и юности очень похожий на проститутку-мать (и очень любивший её), Уильям Виндзор с годами всё больше обретал резкие, неприятные "виндзорские" черты; лишь волосы остались светлыми, а не тёмными, как у большинства Виндзоров. На них лежал ярко-зелёный берет королевской морской пехоты; несколько офицеров "джолли" (1.) стояли вокруг.

1. "Весельчаки" — жаргонное название английских морских пехотинцев, в частях которых по традиции служат члены королевской фамилии.

— А, Иверсон, — буднично сказал король. — Должен сказать, что с вашей стороны это была редкостная глупость — появиться в Соединённом Королевстве... Право, даже не ожидал. Летели бы на острова Тихого Океана...

— Я не понимаю, Ваше Величество, — генерал-майор сглотнул и понял, что боится — смертельно. — Я не нарушал законов вашей страны... я...

Его заставил сбиться и замолчать негромкий, но дружный смех офицеров. Они все были молоды и взвинчены. Это их руками — морской пехоты, десантников, байдарочников, спецназа, гурков, гвардейцев — при поддержке волонтёрского ополчения "Билли" не столь давно свернул шею исламистам... а заодно — и британской демократии, превратившись в первого... нет, второго после Папы Римского — абсолютного монарха на территории Европы. Второго, но, похоже, не последнего... Иверсон поймал ненавидящий взгляд юного рыжего красавца с нашивками порученца короля — и опустил глаза.

— Иверсон, — сказал Уильям, — ну что за разговор? Глупый разговор... Да, кстати, — он оживился, — вы слышали о моей первой мирной спецоперации? Россия после окончательной победы — думаю, через пару лет они уймутся — допускает Бритиш Петролеум к разработке концессий в Туркмении... А взамен — всего-то пустячок...

— О чём вы, Ваше Величество? — Иверсон почувствовал, как немеет язык.

— В Виндзоре сидит уже три дня генерал-майор Ларионов, — пояснил Уильям. — Глава русской комиссии по реституции.

— При чём тут возвращение ценностей? — Иверсон передёрнул плечами. — Ваше Величество...

— Главное перемещённой ценностью русские объявили своих детей, — дружелюбно пояснил король. — А ни для кого не секрет, что под эгидой армии США с территории России было вывезено около 600 тысяч таковых. И вы играли в этом вывозе не последнюю роль...

Судорожным движением генерал-майор схватился за перила моста, который, казалось, закачался.

— Не выдавайте меня... — простонал Иверсон. — О боже, Ваше Величество, я умоляю вас...

— Ну-у... — король развёл руками, и генерал-майор вдруг увидел, что у него холодные и

неприязненные глаза. — Тогда я могу предложить вам выбор, Иверсон. В конце концов, на вас свет клином не сошёлся, в Принсгейте сидят уже с десяток таких, как вы, Ларионов удовлетворится этим... А вы... Вы можете отправиться на родину...

— Нет!!! — лицо Иверсона исказил животный ужас. — Только не это!!!

— Верно, федералы вас казнят за измену, "серые спинки" — за то, что вы виновны в бедствиях Америки... Но от меня-то что вы хотите? — сочувственно сказал Уильям. — Мне вы никто. Даже не подданный, ведь паспорт-то фальшивый. Россия, — он указал подбородком на восток, — или Америка, — резкий подбородок повернулся на запад.

И тогда бывший генерал-майор завыл. Тонко и жалобно. Он упал на колени и пополз по мосту, уцепился за штаны цвета хаки.

— Нет! Нет!! Нет!!! — словно заклиная, кричал он. — Во имя человеколюбия... гуманности... ради ваших традиций... убежища! Тюрьмы... пожизненного... только не выдавайте!!!

— Убери руки, чёртов компрачикос! — истинные чувства прорвались наконец в короле, и Уильям наотмашь ударил американца по трясущемуся, обморочному лицу. — Из-за таких, как ты, нас, людей Запада, сорок лет считали тварями!

Под мостом посвистывал ветер. Тауэр видел и не такое...

...Несмотря на то, что Иверсона утаскивали двое гвардейцев, его вой ещё долго был слышен на мосту.

— Бабушке надо поставить памятник за то, что она не позволила втянуть нас в эту авантюру... — Уильям поправил берет.

— Какая тварь, — с отвращением сказал рыжий. — Неужели он был офицером американской армии?

— Нам это уже не важно, — король вдруг по-мальчишески подмигнул офицерам, и те оживлённо задвигались. — Бог вновь сохранил Англию — и, даст он же, мы её поднимем повыше, чем она стояла последние полвека.

— Поднимемся, цепляясь за русский хвост? — фыркнул кто-то. Уильям усмехнулся:

— Почему бы нет? А потом... — в лице Виндзора проступило что-то хищное, не то от льва, не то от ястреба. — Потом будет потом, джентльмены. Для Англии всегда есть это "потом"... ВСЕГДА.

ПИСЬМА

Здравствуй, Серёжа!

Ты наверное уже забыл кто я такой и вообще. А я Лёшка. Лёшка Баронин. Вспомнил? Я тебя часто споминаю. И всех наших.

Я пишу из США. Хотя теперь ведь уже нет США, а есть КШСА. Неудобно выговорить. Конфидерация Штатов Северной Америки. Так вот здравствуй Серёжа из КШСА.

Когда мы с папой, я так называю Эда, ты его помнишь? Когда преехали, тут было ещё хуже чем в России. Савсем плохо. Всё разрушено и погорело. У папы оказывается сожгли дом и убили всю семью. Мы сперва думал, что всю. Мы поселились в палатке со склада. И первый же вечер папа принёс бутылку виски и хотел пить. А я её разбил и сказал, что нидам пить. Что от пьянки ничего nebude хорошего. Он сперва на меня страшно так глянул и я думал даже, что ударит. А он только обнял меня, стиснул (прямо больно) и заплакал. И говорит, что зря я тебя (меня) привёз, видишь тут ничего нет у меня. И говорит, что утром пойдём в русское консульство и ехай домой. Тогда я тоже (по секрету, никому ни говори, Серёжа) заплакал и говорю: куда я от тебя ни паеду, хоть гони. А утром давай будет дом строить. Хоть как. И он меня уложил на матрас, сам сел рядом на полу и говорит: ну давай, сын.

А утром раз — пришёл священник. Он негр. Оказывается он прятал сперва доч папы, Люси. Люську, я зову так её. Когда были бои и жена папы погибла (а сына у него убили доэтого), то этот священник подбирал детей и прятал их в разных местах и нидал убить. Потом пришли наши (ну, серые, это наши здесь, серые их говорят) и почти всех детей разобрали, а Люську этот священник, отец Бен, оставил, потому что верил, что папа вернётся. И папа сперва хотел священника убить за то, что негр. Даже взял пистолет и нацелился. А тот стоял и ничего не говорил. И тагда папа сказал спасибо и сказал, что поможет потом обратно строить церковь.

Ой как мы строили! Матерялы нам дали со складов. И все улицей другу другу помогали. Но никто толком ничего неумел, прямо смешно. Правда потом пришли амиши. Я сперва непонял кто это. Чудные такие. Все в чёрном и в шляпах. И говорят на каком то другом языке, а по английски плохо. Зато они оказалось умеют хорошо строить и они нам помогли. Они вообще по всем КШСА ходят такими как у нас раньше артелями и запростотак помогают людям строить дома и всё. Говорят, что вилен бог. А бог есть?

Потом на нас два раза нападали. Не чёрные братья, их уже всех разбили. Просто бандиты. Но тут у всех оружие. Бандитов сразу остановили, окружили, а потом взяли и

повесили.

Серёжа, сколько тут хороших людей! Я никак ни пойму зачем мы воевали и почему они позволили своим правилам напасть на нас?! Получается какая то глупость.

Потом я пошёл в школу. Я сразу в классе сказал, что я русский и кто хочет пусть лезет драться. И полезли. Ой как колотили! Не кучей, но их же много. Поочереди всё равно меня били. Но потом за меня стали заступаться несколько человек. Один (его зовут Тим) похож на Саньку. И тоже воевал. У него вся спина в ожогах, это его пытали чёрные братья, когда он был разведчиком у Лэйкока (это такой знаменитый партизанский командир тут). Он старше и мы ни то что друзья. Просто он заступился первый. Когда увидел, что я ни поддаюсь. А потом и мальчишки из моего класса стали тоже. Ой один раз была драка! Пополам на пополам! А после неё все вместе помирились и даже смеялись, что опять из за русских война. Но это не зло, ты не думай.

Знаешь, Серёжа, я хочу быть военным. Как папа. И буду. Но ты НИ ЗА ЧТО не думай. Если опять какой гад захочет, чтоб мы лезли на другие страны просто за деньги — мы его сразу. Как тех бандитов. Нас больше никто не посорит, Серёжа. Я тебе ОБИЦАЮ!!! А всякие разные кто где ещё капаются и хочет воевать — мы их вместе задавим. По всей Земле!!!

Вода проточит камень,

Огонь пройдёт сквозь лес!

А если смел ты и упрям —

Дойдёшь хоть до небес!

Вот!

Всего тебе лучшего, Серёжа! И всем нашим!

Лёшка Баронин (Алекс Халлорхан, ага?)

* * *

Лёшка, привет!

Ты пишешь начисто неграмотно. По-английски пишешь так же? И как учителя, в обморок не падают?!

Я очень удивился, когда увидел твоё письмо. Думаю, кто мне пишет оттуда? А потом я обрадовался.

Я помню тебя. Я вообще всех наших помню, хот ты, может, не согласишься. А вас, разведчиков, особенно. И не только я.

Помнишь отряд "Батяка Антонов" и его командира? Дочка у него была, снайперша? Дина. В общем, теперь она моя жена. Я сам удивляюсь. Ещё удивительней, что у нас дети. Правда, не свои. Пока. Свой только в проекте, проект солидный. А так — ты их помнишь, наверное, Пух и Ниночка, это наши, и ваш один, Толик.

Я — как вернулся из армии — пока пашу на стройке и учусь заочно в Державинском. Видимо, буду учителем. Если вынесу всё это. На стройке работать легче, хотя и ей конца не видно, Тамбов наш здорово разбит... Странно, старые здания почти все уцелели. Даже смешно немного, развалили, как по заказу, почти всё, построенное в 90-х и в начале века. Видно, так строили. Знаешь, я раньше не замечал, да и, мне кажется, почти все люди не замечали, что все вокруг вот такое было. Пустое, что ли. А, не забивай себе голову в своих КыШСА. Я и сам не очень понимаю, чувствую так.

Михал Тимофеича нашего хотели сделать военкомом, я так и не понял, почему. Он

отказался, сейчас рулит лесами по области. Елена Ивановна с Мишкой живут в Тамбове, у них с Михал Тимофеичем ещё дочь родилась, Ирочка. А Никитка так и лежит возле амеросовского аэродрома, там теперь парк и новое кладбище. И Никитка, и Симка. И сержант Гриерсон. Мост восстановили, который мы тем летом взорвали, я там был. Помнишь Фурмана, дядю Колю? Он опять агроном там, я его видел, вместе к тому мосту ходили. А Райан, Райана помнишь? Он же тут фермерствует, нашёл себе вдову, старше его, с детьми — отлично живут. Пчёл разводят, представляешь?! А был такой городской пацан. Столько лет, сколько мне сейчас.

Я бы тебе про всех написал, да как-то потерялся, не знаю, с чего начать и что тебе интересно. Да и не знаю я про многих ничего. Санька со Светиком где-то на юге, ну ты помнишь, они в конце войны расписались уже. А у меня даже и адреса нет.

Мы все часто вспоминаем, как было. Месяца два назад заговорили, а Пух говорит — нет, Серёга, а там не так было. Я испугался. А ведь правда не так. Забыл. Ну и стал записывать по вечерам. На компе, у нас комп есть. Урву время и записываю, а все остальные советуют. Ну я не знаю. Чтобы не забыли никогда больше. Может, книжка получится, а может — так. Для себя. Пух с Толиком пионерствуют, они просили, как закончу, сделать им копию — в школьный музей. Школа в нашем старом интернате. Странно, там всё началось. Мне кажется, что вообще — всё.

Наш адрес — ул. Н.Вирты, 22, 34. Квартира новая, получили вот-вот от нашего стройуправления. Если что — приезжайте с Эдом вместе и с твоей сестрой. Ты её учи говорить по-русски, пригодится!

Сергей.

* * *

Градоначальнику г. Рассказово
Т.Т.Щербицкому
от государственного уполномоченного
по контролю А.Д.Басманова

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

21 мая с.г. я прибыл по служебной надобности на проходную завода РТЗ. Пропустить меня отказались, мотивировав это тем, что на заводе идёт вывоз устаревшего оборудования. Я всё равно прошёл, чем объясняется двойной перелом нижней челюсти вахтёра гр-на И.П.Голутвина. На территории завода в выходной день мною была обнаружена группа из четверых человек. На моё предложение предъявить документы, сделанное после предъявления моих документальных полномочий, один из них достал деньги (в т.ч. драгметаллчеки, позднее оказавшиеся фальшивыми), чем объясняется вывих запястья и перелом лучевой и локтевой костей гр-на Д.М.Скачко. Трупы граждан В.А.Кодишвили и П.С.Дадия как и проникающее ранение в живот гр-на Н.Н.Уськина объясняются тем, что указанные граждане в ответ на вежливое предложение лечь на землю с руками на затылок достали незарегистрированные пистолеты и попытались произвести выстрелы в моём направлении. Сотрясение мозга и разрыв мошонки директора завода РТЗ гр-на А.С.Хоменко объясняются тем, что он не проявил готовности к сотрудничеству и попытался помешать исполнению моих служебных обязанностей путём выкидывания связки ключей от сейфа в окно.

Вывоз оборудования производился не только без санкции, но и в прямое нарушение распоряжения градоначальника, а так же в нарушение указа Вождя о полномасштабном восстановлении предприятий класса 3.

Гос. уполномоченный ком. по контролю

титулярный советник Антон Дмитриевич Басманов

23 мая 20... г.

* * *

Стёпа, здравствуй.

Я был очень удивлён твоим письмом, так как думал, что вы с Лёшкой служили вместе. Только поэтому и не написал тебе сразу, извини. Я бы непременно сделал это, хотя тогда не успел с ним поговорить. А ведь хотел расспросить про тебя как раз, удивился и обрадовался этой встрече, удивился и тому, что вы не вместе, но перебросились только парой слов перед взлётом. Но раз так — рассказываю, хотя очень тяжело.

14 октября 20... года, уже после войны, на трассе Яркенд-Хотан уйгурскими бандитами была атакована госпитальная колонна индийских гурков. Ты, я понимаю теперь, выходит, не слышал, что наш полк и сборный погранполк спецназа были приданы северо-восточной группе индусов — по Тегеранской договорённости, про неё ты, конечно, читал. Мы выбрасывали погранцов на помощь, тут я Лёшку и увидел. Я ещё думал — а где же ты? В общем, мы говорили минуту, не больше. Потом, вечером, мы забирали 200 и 300.

Лёшка командовал заслоном, они были в первой заброске. В общем, к машинам с ранеными они уйгуров не пустили. Гурки его и вытащили. Только уже мёртвого. Шесть осколочных, а в спину — штук тридцать колотых. Пулемёт у него уже потом, на перевалочном, из рук смогли забрать.

На Тамбовщину его не возили, я потом узнал краем. Похоронили на кладбище Кашагрского погранотряда. Это я на случай, если ты поедешь.

Надеюсь, что у тебя всё хорошо. Мои нашлись ещё во время войны, живые. Ты-то не женился? Рано, наверное, ещё. Я часто вспоминаю нашу войну и всё, что было. Адрес на конверте. Если что — пиши, приезжай, хоть один, хоть с семьёй.

Логинов А.Р., полковник армейской авиации России и твой боевой товарищ.

* * *

Генка, ты фамилию не поменял?

Удивлён? Я тоже удивился, когда узнал, что набирать мальчишек в Русскую Стрелковую Школу в Питере к нам в Воронеж приезжал какой-то Геннадий Сергеевич Путин. Жаль, что я не сразу сообразил, был занят в летнем лагере, а когда узнал поточнее — ты уже уехал.

Да ты, может, меня уже и не помнишь? Ну-ка, ну-ка — кто заставлял всех лазить по канату "без рук"?

Честно сказать, я потом долго думал, что виноват перед вами — бросил вас, поторопился, а надо было сначала вывести вас куда-нибудь, а потом уж уходить. Да и получилось у нас сначала не так уж хорошо. Мы с ребятами пару раз напали на колонны, а потом на гарнизон в одной деревне. Но я оказался бездарным командиром и погубил ребят. Физкультура одно, война — другое, да ещё партизанская; нас выследили по мусору у лагеря. Почти все погибли. До сих пор не могу себе простить.

Я был ранен, в фильтрационном лагере чуть не умер, потом — бежал и добрался до Воронежа. Воевал сперва у ополченцев, потом в ЧЗБ. А после войны так и осел в Воронеже. Если честно — не смог я вернуться в Тамбов, потому что там вспоминал бы всё время про ребят. И даже узнавать ни про кого не стал. А когда сообразил, что ты и есть ты — то обрадовался.

Я пишу-то зачем. Я просто хотел попросить у тебя прощения за всех. Это важно. Для меня важно.

Напишешь ли в ответ?

АНТОН АНАТОЛЬЕВИЧ, ВАШ БЫВШИЙ ФИЗКУЛЬТУРНИК.

* * *

Тёмка, привет!

Вообще это свинство — столько не писать. Я тебе написал аж целый один раз, а ты мне сколько в ответ? Всего один раз.

Короче, погорела моя мечта. Поглядели на комиссии, что у меня пальцев как бы не хватает — и посоветовали подумать про что-нибудь приземлённое. Я спросил, а что, летают когда — пальцами машут? Да ещё на ногах? Они мне сказали, чтоб я не умничал, молод пока. Я тоже сказал. В общем, когда меня с суток выпустили, то я с горя забрал мамку и сестёр и уехал в город Гавану, откуда тебе и пишу сейчас. Город хороший, народ отличный, Фидель ещё жив, а на первом гидрокомплексе, который мы тут строили, я самолично на высоте сорока метров написал: "МИРУ — МИР!" Ругали долго и даже вычесть из зарплаты хотели, но местные власти вступились, тогда меня на всякий случай премировали. Я подумал-подумал, понял, что лётчиком не стать не дадут и решил учиться на гидроинженера. Благо, далеко ходить не надо, ВУЗ прямо в Гаване открыли, наши, кстати. Сейчас на четвёртом курсе. Поздравь — пру на красный диплом. Чуть что не по-моему, я сразу всем профессорам в нос нашим первым комплексом тыкать начинаю, его из окна видно. Они лапки вверх и оценку в зачётку.

Кстати, думаю жениться. Тут на втором учится тааааааааааааакая норвежечка! Мечта викинга. Я за викинга сойду? Как думаешь?

Тёмыч, как Ленок поживает? Вы же с ней уехали тогда. Как первенца назвали?

Жму руку!

Лёха.

* * *

Лёша, здравствуй.

Посылаю тебе вырезку из газеты, Лёша. Это в последний год войны было, Лёша, под Триестом. Мне даже ничего не прислали, только эту вырезку, извещение и ордена — наш и сербский. А писать про это я не могу. Сам прочтёшь.

Тёма успел оставить мне сына. А на счастье у нас времени не хватило. Сына назвали Никиткой, в честь сына М.Т. Он уже спрашивает, где его папа. А я не знаю, он не поймёт, наверное, если я расскажу.

Лена Рябинина (Иверцева)

* * *

Здравствуйте.

Вам пишет Елена Измайлова. Точнее, пишу по моей просьбе. В настоящее время вот уже несколько лет я нахожусь на лечении в Центральном Военном Госпитале г. Тамбов, глазное отделение.

Летом 20... года, в момент начала боевых действий, мы с мужем и восьмилетним сыном Ильёй спасались на нашей легковой машине в колонне беженцев по дороге Тамбов-Моршанск. Колонна была атакована штурмовиками оккупантов совершенно без причины. Во время налёта наша машина загорелась. Муж, видимо, погиб сразу. Я успела выбросить Илью наружу. Как сама спаслась — не помню. Сильно обгорела и именно тогда у меня начались

проблемы с глазами. Меня подобрали и кое-как выходили местные жители. До конца войны я по мере сил работала в селе, потом перебралась в город и вернулась к работе бухгалтера.

Уже после войны я первый раз лечилась в госпитале. И от одной женщины, которая была врачом в партизанском отряде, которым командовал М.Т.Хлюстов, узнала, что в отряде было много маленьких детей из разных мест. И среди них был мальчик Илья Измайлов с ожогами спины, маму которого звали Елена, а отца — Алик, Алексей. Мальчика подобрали недалеко от дороги Тамбов-Моршанск, в лесу. Он был в отряде на подхвате, а потом его увезла с собой молодая семья — ваша семья, Саша и Света.

С тех пор я потеряла покой. Понимаете, я уже привыкла к мысли, что буду жить и доживать одна и как-то даже успокоилась. Но с тех пор я только и думаю об одном — вдруг это наш Илюшка?!

Я ни на что не претендую. Прошло несколько лет, со мной у него может быть связан только ужас того страшного дня. Все эти годы, в самое трудное время, вы заботились о нём, и я верю, что вам он был, как родной сын. Я даже не прошу его увидеть. Но я умоляю вас узнать осторожно и написать — не мой ли это Илюшка?! Я заклинаю вас, только это, хотя бы это! Ведь и вас родили матери — поймите меня!

С уважением —

Е.С.Измайлова.

Илья, это добавлено Шуркой Копыловым который по просьбе твоей мамы и в порядке шефской пионерской помощи пишит это письмо. Илья, не будь свиньёй и приезжай. Я тоже тогда был маленький и полгода сидел в лагере К-12 и не видел маму и отец у меня погиб. Когда сидел, то думал, что за маму всё отдам. Какая бы небыла. Приезжай.

Ш.Копылов, 12 лет, пионер отряда "Волчий след".

* * *

ТЕЛЕГРАММА

Мама! Я еду!